

Коралловый браслет

Автор:

[Анна Малышева](#)

Коралловый браслет

Анна Витальевна Малышева

Маша, молодая художница, изготавливающая коллекционных кукол, давно привыкла содержать семью – мать и младшего брата. Но мать умирает, а брат собирается жениться. Невеста Андрея, Зоя, избалованная девушка из состоятельной семьи, сумела полностью вытеснить из его сердца сестру, и Маша чувствует себя лишней. В свои двадцать семь лет она совершенно одинока, четыре года назад ее собственная свадьба была отменена из-за сопротивления близких. Теперь она никому не нужна. Но в ее жизни начинает происходить нечто необъяснимое.

Анна Малышева

Коралловый браслет

Глава 1

«Все наследники похожи на стервятников, – подумала она, следя за тем, как брат, стоявший у входа в банк, горбится и отворачивается от ветра, пытаясь раскурить сигарету. – Даже самые бескорыстные. Даже те, кто ни на что не рассчитывает. Даже Андрей в эту минуту похож!»

– Да иди ты в машину! – Не выдержав, она открыла дверцу и высунулась, жестами подзывая брата. – Обед кончится через полчаса, что ты мучаешься! Холодно!

– Ой, ради бога! – немедленно отозвалась Зоя, перегнувшись с переднего сиденья. – Не зови его, он опять начнет мотать нервы! Ты не представляешь, Маш, чего мне стоили эти последние недели! Я совсем измучилась!

«Ты-то? – Маша еле сдержалась, чтобы не произнести это вслух. Ее отношения с невестой брата и так постоянно колебались на грани конфликта. Она приказала себе молчать и только в очередной раз подивилась про себя, до какой степени могут доходить слепота и эгоизм. – Это НАША МАМА болела, умирала, это МЫ ее хоронили, а измучилась, оказывается, она! Даже на кладбище не ездила!»

Ей было невозможно сидеть в машине с Зоей, она молча вышла и направилась ко входу в банк. Андрей, щуря воспаленные от бессонницы глаза, дымил сигаретой. Заметив подошедшую сестру, он устало пробормотал:

– Что, сейчас откроют? Я забыл часы...

– Часы у тебя над головой. – Маша указала на огромный циферблат, который при желании можно было рассмотреть с другой стороны проспекта. – Еще ждать и ждать. Я вот что думаю, хорошо ли мы делаем, что идем сюда на другой день после похорон? Будто только этого и...

– А кто нас осудит? – огрызнулся тот. – Не выдумывай! Тем более денег нет, сама знаешь. Из нас на кладбище высосали все, что не успели в больнице.

Маша лишь кивнула. В сущности, она понимала, что ничего кошунственного в их спешке с получением наследства нет, тем более что мама сама велела не тянуть со вскрытием ячейки. Это были едва ли не последние ее слова, которые брат и сестра услышали в больничной палате накануне решающей операции:

– Договор, доверенность, ключ... – Она сделала паузу, говорить ей было трудно. – Если что, сразу идите туда и заберите все.

Тогда они в один голос убеждали маму, что ни в какой банк идти не потребуется, операция должна дать самый радикальный результат, профессор уверен в успехе. На самом деле никакой уверенности тот не высказывал.

– Чудеса бывают, но я не чудотворец, – честно ответил он на их взволнованные расспросы. – Операцию сделаем, потому что надо сделать. Что я могу вам обещать? Идите домой, ребята.

И они пошли, отчего-то взявшись за руки, как в детстве, чувствуя себя маленькими и растерянными перед лицом того, что должно было произойти. «А через день мы уже готовились к похоронам».

– Пойдем, выпьем кофе. – Она потянула Андрея за рукав пальто. – Смотри, быстро на углу.

– Ладно, – сдался тот. – Надо Зою позвать.

– Не надо!

Маша произнесла это слишком резко, и брат впервые открыл глаза во всю ширь. В этот миг он походил на внезапно проснувшегося лунатика, обнаружившего, что находится на краю крыши.

– Опять? – укоризненно произнес он. – Поцапались? Из-за чего на этот раз?

– Я просто устала от нее. – Девушка двинулась в сторону кафе, уверенная, что брат последует за нею. Тот и впрямь двинулся следом. «Он всегда ко мне прислушивался, мало того, просто слушался... Пока не появилась эта Зоя!»

– В такое время, как сейчас, лишние люди рядом раздражают, – призналась она уже за столиком, дуя на дымящийся кофе в хрупкой пластиковой чашке. – Каждый лезет с соболезнованиями, а получается только хуже. А уж Зоя твоя, извини, жалеет только себя саму.

– Неправда. – Андрей сидел напротив, опершись локтями о шаткий стол, стиснув виски кулаками, так что Маша видела только нижнюю часть его лица. – Она умеет сочувствовать. Ты к ней несправедлива.

– Ну да, – девушка не удержалась от злой усмешки, впрочем, пропавшей даром. Брат на нее не смотрел. – Она убита горем, только не из-за мамы и нас. Она злится потому, что свадьбу придется отложить. Скажешь, я не права?

Андрей полез в карман пальто за сигаретами и долго возился, пытаясь открыть смятую пачку. Наблюдая за его неловкими движениями, Маша ждала ответа, надеясь на то, что брат не опрокинет на себя чашку с горячим кофе. Пауза затягивалась, теперь что-то застряло в колесике зажигалки, и Андрей никак не мог высечь огонь. Внезапно где-то на краю ее сознания мелькнула мысль настолько абсурдная и крамольная, что Маша не решилась ее озвучить. «Что это я? Не может быть!»

Но брат молчал, скрываясь за клубами сигаретного дыма, и она, запинаясь, изменившимся голосом спросила:

– Вы ведь перенесете свадьбу, правда?

– Маш, понимаешь... – Он поднял наконец глаза, и она прочитала в них ответ прежде, чем Андрей договорил: – У нас нет такой возможности. – И так как сестра молчала, продолжил, уже чуть осмелев: – Ты же знаешь, за все заплачено, и денег нам не вернут. Аренда зала, музыка, обед на пятьдесят персон... Цветы, машины и что-то там еще... В общем, Зоя знает. Она уже выяснила, с кем можно договориться на другой срок, с кем нет, все подсчитала, и получилось – мы потеряем кучу денег. А ты сама знаешь, я на мели.

– Цветы, машины, обед на пятьдесят персон... – словно во сне, повторила она. – Андрюша, что ты говоришь? Ты хочешь сыграть свадьбу через неделю после похорон?!

– Пойми, у нас нет выбора, – неуверенно проговорил брат. – Или мы поженимся пятнадцатого числа, или через год как минимум. Зоя и так уже многое отменила ради траура. Живых бабочек, например. Там пошли навстречу и вернули деньги. И конечно, мы постараемся, чтобы все соответствовало...

– Не желаю больше слушать! – Маша резко встала, толкнув шаткий пластиковый стол так, что обе чашки опрокинулись. Кофе полился на пол, Андрей еле успел отодвинуться вместе со стулом. На них начали оглядываться, но девушке в этот миг было все равно. – Можете хоть на головах там ходить, можете... Только на

меня не рассчитывай! Я на эту свадьбу не приду!

Он что-то говорил ей вслед, но Маша уже не вслушивалась. Кипя от гнева, она не сразу отыскала выход, а выскочив на улицу, проглотила вместе с сырым холодным воздухом готовые прорваться рыдания. «Не смей, не плачь! – уговаривала она себя, торопливо идя к банку, уже открывшемуся после перерыва. – Вот оно что! Вот почему он мне в глаза не глядел, будто что-то украл! Нет, не реви, не здесь! Не при них! Дома поплачешь!» Чтобы удержаться от слез, она прибегла к испытанному способу – с силой, с вывертом ущипнула себя за руку выше локтя. Куртка у нее была без подкладки, щипок вышел очень болезненный, и глаза разом высохли.

Зоя уже стояла у входа в банк, пристально рассматривая свое отражение в золотистом тонированном стекле, которым был отделан весь фасад здания. Вероятно, она нравилась себе в этом огромном зеркале, потому что девушка несколько раз сменила позу, перегибаясь назад, чтобы модное пальто более выгодно обрисовало ее талию. Маша вошла в банк, не сказав ей ни слова, и уже спиной услышала удивленный оклик:

– Куда ты одна? А где Андрей?

Брат с невестой нагнали Машу у окошка, обслуживавшего ячейки. Она стояла с документами наготове, стараясь ничего вокруг не замечать, чтобы не сорваться. Впрочем, они к ней и не приставали. Вероятно, Андрей успел сообщить Зое, что случилось в кафе, и та благоразумно решила не обсуждать дальше опасную тему.

Наконец, очередь подошла. Маша сунула в выдвижной лоток паспорт, банковский договор и доверенность. Служащая просмотрела их и подняла глаза:

– Вы уже приходили в хранилище?

– Я тут впервые.

– Тогда я провожу. – Забрав бумаги, та поставила табличку с надписью «перерыв» и поднялась с места. – Ячейки в другом корпусе, вы быстро не найдете. В следующий раз сразу идите туда.

«Следующего раза не будет, – думала Маша, идя следом за ней и затылком чувствуя молчаливое присутствие Андрея с невестой. – Я и этот-то раз не знаю, как объяснить!»

О том, что их мать весь последний год оплачивала содержание банковской ячейки, они узнали только несколько дней назад, в больнице, во время свидания перед операцией. Мать велела Маше достать из тумбочки файл с бумагами и болтавшимся на дне латунным ключом и забрать его себе.

– А если что-то со мной случится, не тяните, идите туда сразу и все заберите, – внушала она сбитым с толку, расстроенным детям. – Ячейка оплачена до конца месяца, если опоздаете, начнут начислять пени. Да и вообще... Пора.

Она махнула рукой, словно отстраняя что-то, и Маша, поймавшая взглядом этот жест, содрогнулась от дурного предчувствия. Мать как будто отвергала саму жизнь, устав от болезни, безрезультатных операций, рецидивов и терапии. Так раздраженно отгоняют назойливую муху, которая упорно подлетает и садится вновь все на то же место.

– Сюда. – Выведя троицу во двор, служащая остановилась у турникета, рядом с будкой охранника. – Я уже позвонила, сейчас встретят и проводят. Только... Вас будет трое?

– Это мой брат. – Маша по-прежнему старалась не встречаться с Андреем взглядом. – Мы пойдем вместе.

– Но там хранилище, понимаете? – с некоторым пафосом произнесла та. – А доверенность на одно лицо.

– В ячейке хранится наследство. – Маша с трудом подбирала слова, все они казались ей какими-то неподходящими. Она еще не привыкла говорить о матери в прошедшем времени. – И нам велели прийти за ним вдвоем.

– Ну что ж, – служащая смерила Андрея взглядом, словно прикидывая, может ли он представлять какую-то угрозу для безопасности банка, – тогда давайте и ваш паспорт. Но третье лицо пусть останется здесь.

Зоя, обозначенная таким термином, заметно заволновалась и прижалась к жениху, взяв его под руку:

– Андрюш, а почему мне нельзя? Ты как, справишься один? Ты такой бледный... Знаете, – обратилась она к служащей через его голову, – он только вчера похоронил маму, и просто сам не свой! Я бы хотела его сопровождать! Я его жена!

Служащая, видимо, заколебалась, пытается найти компромисс между долгом и сочувствием к ближнему, но тут Андрей, доселе угрюмо молчавший, очнулся и рывком высвободился от объятий невесты:

– Не надо меня сопровождать, я в порядке! И вообще раз доверенность на Машу, пусть идет она одна!

– Ты с ума сошел! – Потрясенная Зоя перешла на зловещий шепот: – Ведь у тебя даже описи наследства нет! Если так, стой здесь, я с ней пойду!

– Извините. – Маша едва владела собой, и хотя пыталась говорить спокойно, ее голос заметно садился и дрожал. – Похоже, мы должны пойти туда все вместе. Видите, дело идет о разделе наследства, и мне, кажется, не доверяют. А если со мной пойдет только брат, потом можно будет сказать, что я его обвела вокруг пальца, что-то сунула себе в карман.

– Маша, прекрати!

– Я вас очень прошу, – она даже не обернулась на окрик брата, – пустите нас всех.

И женщина, слушавшая их препирания с неприязненно сдвинутыми бровями, уступила. Все трое сдали паспорта охраннику и вошли в хранилище в сопровождении уже другой служащей, вооруженной внушительной связкой ключей. Та была слегка удивлена таким наплывом народа, но вопросов не задавала. Они прошли длинным душным коридором, ведущим в подвальное помещение, девушка остановилась перед низкой бронированной дверью, отперла замок и повернула запирающий вентиль. В ту же секунду под потолком заработал кондиционер, в застоявшийся воздух хлынула холодная свежая струя. За дверью обнаружилась маленькое помещение, все стены которого были

заполнены рядами металлических ячеек. Взяв у Маши ключ, девушка взглянула на номер, выбитый на латунном брелоке, и нашла в своей связке его двойника.

– У вас маленькая ячейка, – прокомментировала она.

Маше показалось, что Зоя испустила еле слышный вздох. «Ну, конечно, она бы предпочла большую! Интересно, можно кого-то ненавидеть сильнее, чем я ее сейчас?»

Вставив оба ключа в замочные скважины соответствующей ячейки, девушка повернула их в разные стороны, открыла дверцу и отстранившись, показала присутствующим маленький металлический ящик:

– Пожалуйста. Осмотреть содержимое можно вот тут, на столике. Я буду ждать снаружи, когда закончите, позовете. – И вышла в коридор.

Маша смотрела на ящик, не торопясь его открывать и даже слегка перед ним робела. Она впервые задала себе вопрос, что может в нем находиться? Все эти дни она если и думала о некоем наследстве, хранящемся в банковской ячейке, то отстраненно, как о чем-то абстрактном. Сейчас, когда эта абстракция воплотилась в виде железного ящика, похожего на крохотный гроб, ей стало не по себе. Видимо, Андрей испытывал те же чувства. Он окончательно ступешался и даже отступил к самому выходу, словно готовясь сбежать.

Тяжелое молчание нарушила Зоя. С притворной непринужденностью она обратилась к жениху:

– Ну, что же так стоять? Посмотрим?

«Наверное, я способна ее ударить, – сказала себе Маша, протягивая руки и осторожно доставая ящик из ячейки. Он оказался неожиданно легким, и это придало ей смелости. – Одно хорошо, мы с ней часто общаться не будем. Но плохо то, что Андрей...»

Она поставила ящик на стол, под яркий мертвенный свет белой люминесцентной трубки. Подняла глаза на брата. При этом освещении он показался ей очень бледным. Таким она видела его лишь однажды, в детстве,

когда он отравился несвежими пирожками и целую неделю не мог проглотить ложки воды, чтобы его тут же не вывернуло наизнанку.

– Тебе плохо? – борясь со своей обидой и возмущением, спросила Маша. – На тебе лица нет!

– Открывай скорее, и пойдём отсюда, – хрипло выдавил Андрей. – Не знаю, что со мной такое. Может, клаустрофобия начинается.

– Да открывай же, – Зоя протянула нетерпеливые руки к ящичку, но жених неожиданно ударил ее по пальцам:

– Не лезь! Маша, не тяни, хочется скорее с этим покончить.

– Ты?.. – В Зоинном голосе задрожали слезы, на которые она вообще была щедра. – Ты меня ударил?! Ударил меня?!

«А может, и не будет у них свадьбы через неделю, – пронеслось у Маши в голове, в то время как она непослушными пальцами пыталась сдвинуть железную крышку. – Может, Андрей ее остановит. Кажется, он просто не понимал, на чем она настаивает. Ну, вот...»

Коробка открылась, и три головы разом склонились над ней. На дне лежал длинный узкий предмет, завернутый в смятый лист белой бумаги. Маша достала сверток, осторожно раскрыла его и извлекла на свет тяжелый массивный браслет из сероватого металла, украшенный крупными красными пластинами. Больше в свертке ничего не было, за исключением лаконичной надписи, украшавшей самый центр листа.

– «Маше», – вслух прочитал Андрей и выпрямился. – Я же говорил, ты могла пойти сюда одна.

– Мама оставила это мне? – Держа браслет двумя пальцами, девушка рассматривала его на расстоянии вытянутой руки, словно маленькую змейку, которая вполне может оказаться ядовитой. – Не помню у нее такого.

– Он тебе что, не нравится? – Брат тоже не сводил глаз с браслета. – Примеришь?

– Не знаю. – Маша приложила браслет к запястью, разглядывая блестящие красные камни. – Это серебро, кажется. И кораллы. Какие большие! И такой яркий красный цвет! Прямо карминовый. Я всегда думала, что они какие-то розовые. Нет, мне точно нравится!

– Тогда надевай!

– Погодите, – слабым сорванным голосом вмешалась Зоя, со времени вскрытия ящика не издавшая ни звука. – Это что, все?! Какое же это наследство?!

– А ты чего ожидала? – Андрей продолжал говорить с невестой непривычно резко, и та вздрагивала от звуков его голоса, жалобно округляя глаза. Она настолько растерялась, что даже не могла по-настоящему возмутиться. Маша была уверена, что это их первая серьезная размолвка. – Что тут два кейса с долларами или корзинка с алмазами? Я от тебя своего материального статуса не скрывал, все мое имущество тебе известно. Не устраивает – еще не поздно передумать со свадьбой. Я ни на чем не настаиваю.

– О господи... Что ты вдруг взбесился?.. – Зоин подбородок запрыгал, голубые глаза разом покраснели и наполнились слезами.

Она выглядела такой несчастной, что даже Маша на миг почувствовала к ней жалость. «Она ведь еще не знает, что на Андрея нельзя давить слишком долго! Он молчит, терпит, а дойдя до предела, начинает огрызаться, и тогда держись! Держу пари, Зоя весь этот год считала, что ей досталась послушная тряпка!»

– Никаких долларов и алмазов я не ждала, – продолжала та детским прерывающимся голоском, испуганно глядя на своего жениха. – Сам выдумал, сам злишься! Я просто удивилась. Зачем оплачивать ячейку ради серебряного браслета с кораллами? Это же невыгодно!

Не слушая ее, Андрей взял Машу за руку и потянул за собой к выходу. Выйдя в коридор, девушка с трудом перевела дух:

– У меня тоже клаустрофобия начинается. Пойдем отсюда быстрее.

– Вы закончили? – нетерпеливо обратилась к ним служащая. – Можно запереть ячейку?

– Мы ее сдаем, – опередил сестру Андрей. – Она нам больше не нужна.

– Как знаете, – пожала та плечами и, заглянув в кладовую, поторопила Зою: – Если вы закончили, покиньте, пожалуйста, помещение. Меня ведь и другие клиенты ждут.

Зоя вышла с преувеличенно прямой спиной и оскорбленным видом и, потупив взгляд, протиснулась между Машей и Андреем, чтобы первой оказаться на улице. «Сейчас умотает от нас на своем “Пежо”, – с надеждой думала Маша, глядя в спину удаляющейся по коридору Зое. – И будет ждать, что Андрей приползет к ней на коленях с извинениями. И каждый час, который она прождет зря, поставит мне в счет, потому что, по ее мнению, я все время пытаюсь расстроить их свадьбу. Может, в самом деле, попытаться их поссорить? По крайней мере она не будет меня зря ненавидеть!»

Однако синий «Пежо» оказался на месте и даже посигналил брату и сестре, когда те задержались на крыльце. Андрей поморщился, словно этот звук вызвал у него приступ головной боли. Маша с пониманием кивнула и предложила:

– Хочешь, обойдемся без лишних объяснений? Возьмем такси и поедem ко мне. Ночевать тоже можешь у меня, если хочешь. Купим пирожков... А можешь и вообще переехать. Теперь...

Она запнулась, не договорив, но они поняли друг друга без слов. Теперь освободилась мамина спальня, и в маленькой двухкомнатной квартирке вполне могли разместиться и брат, и сестра. «Там никогда еще не было так просторно! – поежилась девушка, впервые как следует осознав, что ей придется жить одной. – Сперва от нас ушел папа, потом Андрей съехал, а теперь не стало мамы. Места все больше...»

– Машка, прости меня. – Брат притянул ее к себе и, обняв за плечи, слегка похлопал по спине. – Я позвоню вечером.

– Значит, поедешь к ней? – сдавленно выговорила она, снова глотая подступающие слезы. – А там, глядишь, через неделю сыграете свадьбу?!

– Я сделаю все, чтобы этого не было, – пообещал он, озираясь на синий «Пежо», который снова подал голос. – Просто сегодня не мог с ней это обсуждать. Зря вообще с тобой об этом заговорил...

– Андрюш, я боюсь, что ты так и не сможешь с ней ничего обсудить. – Отступив на шаг, Маша глубоко вдохнула воздух и повыше подняла подбородок – еще один верный способ удержаться от слез. – Ни сегодня, ни завтра. А через неделю будет поздно, и ты себе скажешь, что ничью память это не оскорбляет, мама сама бы этого хотела. Так вот, на будущее, хочу тебя предупредить: ЭТОГО мама не хотела бы ни за что!

– Вы что, обсуждали с ней такую возможность? – Глаза брата сделались вдруг большими и испуганными, как у сбитого с толку ребенка, но Маша не дала себя разжалобить и продолжала еще более жестким тоном:

– Мы с ней обсуждали не свадьбу и похороны, конечно, а саму Зою. И мама сказала одну вещь, которую я не должна бы тебе передавать... Но все-таки скажу! – И обвинительно ткнув пальцем брату в грудь, девушка процедила: – Вот ее слова: «Сперва растишь сына, а потом смотришь, как кто-то делает из него коврик перед входной дверью. А он еще и радуется...»

– Я не знаю, как выглядят наши отношения с Зоей со стороны, – после минутного молчания произнес Андрей, упорно разглядывая носки своих ботинок. Создавалось впечатление, будто он с ними и говорит. – Но я не чувствую, будто меня кто-то использует. Она меня уважает и любит. Только мама этого не увидела.

– Мама увидела бы все, было бы что видеть! – запальчиво возразила Маша. – Господи, да что я с тобой спарю! Любовь зла, известно! Ты просто не понимаешь, что связался с бездушной, безмозглой куклой!

– Ну да, ты же у нас эксперт по куклам, – бросил тот уже через плечо, поворачиваясь к вновь посигналившему «Пежо». – Знаешь, мой тебе совет – занимайся ими и дальше! В людях ты ни черта не понимаешь! – И быстрым шагом подойдя к машине, хлопнул дверцей и скрылся.

«Пежо» рванулся с места почти сразу, будто асфальт жег ему покрышки. Раздраженно просигналив напоследок, машина лихо вписалась в поток транспорта и спустя минуту пропала из поля зрения. Маша проводила ее взглядом, бессознательно шевеля губами, словно все еще подбирая аргументы в неоконченном споре. Осознав, наконец, что она потерпела полное поражение, девушка горько улыбнулась. «Я сваляла дурака... Ни в коем случае нельзя было оскорблять Зою. Надо было упираться на то, что мне одиноко, страшно одной, надо было заплакать... Но как это трудно – управлять людьми, которых любишь! Все время кажется, что с ними эти военные хитрости не нужны!»

Порывшись в сумке, Маша пересчитала оставшиеся деньги и задумалась. Мысли привычно пустились по проторенной дорожке – «купить лекарства, конфеты медсестрам, коньяк маминому врачу, у него скоро юбилей...» Девушка поймала себя на том, что все еще мыслит так, будто мама жива. «А ведь ей уже ничего, совсем ничего от меня не нужно! Будь у меня даже миллион в кармане, я ничего не смогу для нее сделать!» У нее мурашки побежали по коже, она содрогнулась, плотнее запахивая полы холодной куртки. Мать болела последние полтора года, и Маша настолько привыкла не располагать собой, что теперь ей стало попросту жутко от внезапно наступившей свободы. Уже не надо спешить в больницу, доставать очередную порцию денег на лекарства, платную операцию, консультацию у медицинского светила, на мелкие подарки медперсоналу... Не надо ничего бояться, ни на что надеяться, рассчитывать шансы и верить в чудеса хирургии. То, что длилось полтора года, поглощая все ее время, силы и мысли, закончилось внезапно и ошеломляюще – будто с грохотом захлопнулась дверь, отрезав целый кусок жизни. Надо было начинать жить заново, в буквальном смысле придумывая себе дела и заботы. Попытка залучить к себе брата кончилась ничем, и теперь Маша ощущала возникший вакуум, как нечто почти материальное. Ей становилось трудно дышать, будто в груди засел посторонний предмет. Нарастала глухая паника, выражавшаяся прежде всего в нежелании ехать домой. «Что я там буду делать?!»

Она достала мобильный телефон и пролистала записную книжку. За время маминой болезни Маша совсем забросила прежних друзей, ей было некогда им звонить, и потом, она прекрасно сознавала, что стала неинтересной собеседницей. Человек, у которого в семье кто-то болен, отчасти превращается в маньяка. Он способен говорить только о врачах, больницах, диагнозах и лекарствах, и если сперва ему сочувствуют, то потом начинают его избегать. «Да и что толку жаловаться людям, которые не в состоянии тебе помочь? – говорила себе Маша, в очередной раз не позвонив очередной подруге. – Только ставишь их в неловкое положение. Лучше как-нибудь потом позвоню, когда

мама поправится!» Другой вариант, а именно возможную смерть, Маша даже наедине с собой никогда не обсуждала.

Прочитав список имен в телефонной книжке, девушка с ужасом поняла, что ей по-прежнему не хочется звонить никому. Совершенно никому! «Как же я одичала! Не с кем поговорить! Одни врачи, да кое-кто по работе, и все! О маминной смерти я больше не могу говорить, хватило вчерашнего дня, кладбища, поминок... А не говорить об этом как-то дико. И потом, сразу же спросят, как у нее дела!»

Она уже собиралась сунуть телефон обратно в сумку и ловить такси, когда аппарат внезапно завибрировал. В последнее время Маша отключала мелодии звонков, так как они беспокоили мать. Взглянув на номер, высветившийся на табло, девушка иронически улыбнулась: «Ну конечно, а кто же еще? Все-таки как хорошо я ее знаю!»

– Уже здоровались, – ответила она на бодрое приветствие Зои. – Что случилось? Десяти минут не прошло!

– Андрей сказал, ты обиделась из-за того, что я говорила в банке! – одним духом выпалила та. – А ты меня просто не поняла! Я хотела сказать...

– Да я не слушала, что ты там говорила, – оборвала ее Маша. Она решила отбросить деликатность, как излишнюю роскошь. – Не извиняйся.

– А я не извиняюсь, – удивленно возразила Зоя. – Просто не успела сказать, что с точки зрения здравого смысла эта ячейка – полный абсурд! Я понимаю кое-что в украшениях, навскидку могу сказать, что такой браслет никак больше пятисот баксов не стоит! Это при условии, что там чистое серебро и натуральные кораллы! А ячейку оплачивали целый год! Аренда стоила в месяц около сорока долларов с хвостиком... За год набежало как раз пятьсот! И вот ты скажи, стоило оно того?! За эти деньги можно было купить еще один такой браслет!

– Тебе-то что? – по-прежнему резко ответила Маша, неприятно озадаченная таким вниманием к своему маленькому наследству, о котором почти успела забыть. Она невольно забеспокоилась и, запустив руку в карман куртки, нащупала браслет. Свернувшись змейкой, он пристроился на самом дне, среди оберток от леденцов – приятно тяжелый, уже нагретый от тепла ее бедра. –

Не ты деньги платила!

– Если б я, тогда хоть что-то было бы понятно, – с некоторым вызовом заявила Зоя. – Для меня заплатить пятьсот баксов за фу-фу – не проблема. Но за что платила ваша мама? Насколько я знаю, у вас лишних денег не водилось. Мне Андрей так и сказал: «Не понимаю, что значит вся эта история!»

– Она значит то, что у нас в стране даже человек с небольшим достатком имеет право арендовать банковскую ячейку, – процедила Маша, борясь с желанием немедленно оборвать разговор. – И держать там то, что считает нужным.

– Так-то оно так! – нехотя согласилась та. – А все же странно. Я вот думаю, не могли ее обокрасть, а? Оставили для вида браслет, и привет! Описи-то не было!

– И кто же это сделал, по-твоему? – поморщилась девушка. Она уже не первый раз слышала от Зои заявления, что ее обсчитали или обокрали, все равно где – на рынке, в турагентстве, в ресторане... По мнению Маши, это был верный признак, что ее брат связался с яркой представительницей того типа людей, которые могут существовать, лишь отравляя жизнь всем окружающим. – Служащая, у которой вторые ключи от ячеек? То-то я заметила, ты ее прямо прожигала взглядом!

– Ничего не докажешь, – вздохнула Зоя. – Вот если бы была опись... Или хотя бы намек, что там не одна вещь... Я абсолютно убеждена, Андрею тоже что-то оставили, иначе зачем посылать вас туда вдвоем?! И зачем оплачивать ячейку, если вещь стоит не больше...

– Я плохо слышу, – солгала Маша и дала отбой. От разговора с будущей невесткой у нее окончательно испортилось настроение. За всеми этими туманными рассуждениями девушка безошибочно угадала главный смысл звонка – Зоя подозревала в хищении из ячейки именно ее!

«Может, она и бездушная кукла, но далеко не безмозгая, – думала Маша, забыв о такси и медленно двигаясь в сторону метро. – Голова у нее работает, только вот результаты выдает какие-то уродливые. Конечно, я могла успеть слетать в банк и одна. Документы и ключ получила еще до операции, хранились они у меня, так что все было под моим контролем. То, что в эти дни умерла мама, мы готовились к похоронам и нам даже поплакать было некогда, Зоя, конечно, в

расчет не берет. Она бы на моем месте все успела! Судит по себе, вот и подозревает всех и каждого!»

Самым досадным было то, что ей никак не удавалось выяснить отношения с невестой брата начистоту. Зоя ловко уходила от прямых обвинений и упреков, ограничиваясь обидными намеками и абстрактными рассуждениями. Суть оставалась той же, но поспорить с ней окончательно у Маши не получалось. Будь Зоя чуть грубее и глупее, они бы давно враждовали в открытую. Но у той был дьявольский нюх на скандал, и она вовремя увертывалась от расплаты. Более того, она умудрялась обставлять дело так, что виноватой оказывалась противная сторона. Ее яркие голубые глаза так правдоподобно наполнялись слезами, что ей волей-неволей верили люди и более опытные, чем Андрей. «Выглядеть жертвой – это какой-то особый дар, – рассуждала сама с собой девушка, покупая карточку в кассе метро. – Это притом, что она одета, как героини глянцевого журнала, ходит по салонам, водит новенький “Пежо” и работает только ради удовольствия покрасоваться на подиуме. Стоит ей пустить слезу и протянуть свое знаменитое “вы меня не так поняли”, как она тут же превращается для окружающих в Крошечку-хаврошечку, а для меня уж не знаю, в кого... В Лихо Одноглазое, наверное! Андрей всерьез считает, что я из ревности и эгоизма травлю его невесту!»

Ступив на эскалатор, Маша сунула карточку в карман и снова нащупала браслет. Достав его, девушка рассмотрела украшение с лицевой и изнаночной стороны и пришла к выводу, что серебро неподдельное и кораллы настоящие. С обратной стороны они не были отшлифованы, и на пластинах отчетливо различались полосы и бороздки, присущие натуральным кораллам. Всего вставок было десять. Больше всего Машу удивило, что браслет выглядел модной, даже претенциозной, недавно сделанной вещью. Казалось, он был куплен совсем недавно в каком-нибудь художественном салоне. Получить подобную вещь в наследство от матери Маша никак не ожидала.

Надев браслет на левое запястье, она слегка отставила руку в сторону, любясь тем, как оживились вдруг кораллы. У нее от природы была смугловатая кожа, чуть оливкового оттенка, и украшение словно придумали специально для нее – едва надев браслет, девушка поняла, что ей будет очень нелегко с ним расстаться. «Хотя зачем расставаться? – оборвала она себя, едва не споткнувшись, сходя с эскалатора на платформу. – Он мой, так и написано было на свертке. Мое наследство!» Однако ее не покидало чувство, что произошло недоразумение – настолько неожиданным был подарок.

«А все же лучше бы его не было! – думала Маша, втиснувшись в вагон и запоздало сожалея, что поспешила на такси. – Теперь Зоя будет звонить каждый день и обсуждать, что могли украсть из ячейки. В переводе – что Я могла оттуда украсть. Вымотает мне нервы до того, что я наору на нее, и тогда пустит слезу, бросится на грудь к Андрюше, и тот решит, что виновная сторона – именно я, а невинная – та, что рыдает ему в рубашку. И будет у них свадьба через неделю, готова спорить на что угодно, будет!» Мысль о свадьбе была ужаснее всего, и Маша, подумав об этом, так прикусила нижнюю губу, что та немедленно вспухла. Но как ни странно, теперь она не ощущала такого гнетущего вакуума, как полчаса назад, расставшись с братом. На ее левом запястье красовался массивный браслет, и порою девушке казалось, что некий невидимый друг держит ее за руку, уговаривая не терзаться понапрасну.

Когда она входила во двор своего дома, уже темнело, начинали зажигаться фонари. Прежде Маша очень любила начало октября, особенно потому, что ее день рождения приходился на второе число месяца. Эти дни, как правило, дождливые и прохладные, с детства запомнились ей как что-то яркое и праздничное. Но в прошлом году свой день рождения она провела в больнице, помогая готовить мать к первой операции, а в этом ей и подавно было не до веселья. Она даже забыла про свой день рождения, тем более что ее никто не поздравил. Даже Андрей, встретив ее утром второго октября в больнице, ни о чем не вспомнил, хотя всегда в этот день дарил сестре цветы и какие-нибудь приятные сюрпризы, придумывать которые был большой мастер. «Но не в этот раз. – Маша остановилась у подъезда, ища на дне сумки ключи. – На другое утро у мамы была назначена операция, мы думали только об этом, а уж после разговора с профессором у нас и вовсе все вылетело из головы. Ведь он никакой надежды нам не дал... Даже эти банковские бумаги я сунула в сумку и забыла, только одно и твердила про себя: “Завтра, завтра!” Уже ночью, когда осталась одна, вспомнила, что мне исполнилось двадцать семь!»

Девушка достала ключи и, выбрав магнитный от двери подъезда, поднялась на крыльцо. Свет фонаря упал на браслет, украшавший ее запястье, и она внезапно нахмурилась, опустив протянутую было руку. Ее поразила догадка, неожиданно пришедшая ей на ум. Появление браслета объяснялось так просто, что теперь Маша удивлялась тому, что никто этого не понял.

«Мама передала банковские документы второго, в мой день рождения! И доверенность была только на меня, и на свертке с браслетом было написано мое

имя! Это не наследство, это просто подарок! Самый чудесный, самый роскошный подарок на день рождения, какой я только получала!»

Маша влетела в подъезд, отперла дверь квартиры – они с матерью жили на первом этаже – и, включив свет в прихожей, подставила под лампу левое запястье, любуясь карминово-красными кораллами, которые, нагревшись на ее теле, приобрели еще более теплый, живой оттенок. «Ну до чего красиво!» Теперь браслет казался ей еще прекрасней. Приобретая значение подарка, да еще последнего подарка, сделанного матерью, он разом превратился для девушки в реликвию.

Она хотела было немедленно позвонить брату, чтобы поделиться своим открытием, но, не дойдя до телефона, остановилась. «Подумает, чего доброго, будто я его упрекаю, что он не вспомнил о моем дне рождения!» Кроме того, она предположила, что сейчас Андрей и Зоя уже добрались до дома и, скорее всего, садятся ужинать, а значит, звонок будет некстати. К несомненным достоинствам невесты брата нужно было отнести и ее хозяйственные наклонности. Зоя вкусно и разнообразно готовила, опровергая стереотип, что модели питаются одной минеральной водой и сигаретным дымом. «Еще один плюс в ее пользу. Может, я в самом деле ревную и завидую?»

Выдвинув ящик старого комода, в котором хранились елочные игрушки, разрозненные инструменты и всякий хлам вроде поздравительных открыток и бесполезных сувениров, Маша отыскала массивную рамку с Зоиной фотографией – ее подарок на прошлый Новый год. Ничего красноречивее этого дара она и представить себе не могла. Зоя искренне полагала, что осчастливит будущую родню, преподнеся ей самое себя, в роскошной рамке, украшенной голубоватыми стразами. На снимке, выбранном из Зоиногo портфолио, та красовалась вполоборота к зрителю, загадочно сощуриив томные голубые глаза, словно намекая на то, что ей известна некая тайна. Отставив фотографию в вытянутой руке, Маша критически рассматривала ее, пытаясь увидеть будущую родственницу непредвзятым взглядом, но разглядела лишь то, что всегда: хорошенькую длинноволосую блондинку, с острым носиком и чуть раскосыми глазами. Она была слегка похожа на лисичку, и это позволяло предположить, что натуральный цвет Зоиных волос – рыжий. «Тогда это объясняет, откуда у нее взялись мозги!» – сердито подумала Маша, швыряя портрет обратно в ящик комода. В принципе она никогда не связывала умственные способности людей с цветом их волос, но, контактируя с Зоей, невольно переходила на личности. «Если я буду часто ее видеть, совсем опущусь! А что будет с Андреем?!»

Пройдя на кухню и включив чайник, Маша остановилась у окна и задумалась, глядя, как в доме напротив загораются огни. С утра она забыла прикрыть форточку, за день кухня выстыла, в ней было так же сыро и холодно, как на улице. От этого девушка особенно остро ощущала наступившее сиротство. Маша подумала, что сейчас, когда она, наконец, осталась в одиночестве, можно всласть поплакать, но слезы отчего-то не шли. «Всегда так, – сказала она себе, запирая форточку и задергивая штору. – Все возможности приходят ко мне слишком поздно. Когда я хотела пойти учиться на декоратора, надо было зарабатывать деньги, помогать маме растить Андрея.... Как будто меня уже не надо было “растить”, хотя я всего на три года старше! Он пошел учиться вместо меня в художественное училище, а я делала на продажу кукол, бесконечных кукол, которыми он меня сегодня попрекнул... Потом он начал работать в театре, и я могла бы поступить учиться... Но в этом не было смысла. В руках уже ремесло, которым можно кормиться всю жизнь, круг клиентов, определенная репутация... Даже, можно сказать, имя! Мария Баскакова, призер каких-то там конкурсов и выставок... Четыре года назад, когда я хотела выйти замуж, мама сказала, что я слишком молода. На самом деле все упиралось опять же в деньги и в то, кто ей будет помогать с Андреем. Он ведь еще ничего не зарабатывал! Было ясно, что, если я уйду из семьи, моих заработков тут уже не увидят. Я все понимала, но не стала спорить, предложила Паше просто встречаться. И мы встречались, пока он не женился на другой девушке, которая не была “слишком молода” и умела думать о себе. Теперь меня некому остановить, но мне уже не за кого выходить замуж. Может быть, я и влюбиться уже никогда не смогу!»

Маша налила чаю и снова остановилась у окна. Она немного согрелась и, несмотря на грустные мысли, успокоилась. Сумерки всегда настраивали ее на философский лад, и она начинала легче относиться к дневным обидам и огорчениям – в отличие от брата, который, напротив, терпеть не мог темное время суток. Ее не пугала даже тишина в опустевшей квартире, которую не могли замаскировать ни шум машин во дворе, ни звуки лифта за стеной, ни музыка у соседей сверху. «Я думала, будет тяжело остаться одной, но нет... Наверное, я на самом деле давно живу одна. Просто теперь это стало более явно, что ли!»

Все еще глядя в окно, она протянула руку, чтобы поставить на стол опустевшую чашку, но внезапно застыла. Девушка услышала звук, от которого у нее заledenел затылок, и коротко стриженные волосы на нем встопорщились, как щетина на щетке. Подобной физической реакции от страха она никогда прежде не испытывала, и немудрено.

За спиной у Маши, не далее как на расстоянии шага от нее, кто-то негромко, но явственно откашлялся.

Глава 2

«Не заперла дверь! – пронеслось у нее в голове. Она затылком ощущала постороннее присутствие и даже мысли не допускала, что кашель ей послышался. – У нас первый этаж, конечно, он уже стоял в подъезде, когда я вошла и стала возиться с ключами. Какая дура, господи, какая дура! Думала только о браслете! Вот так и убивают!»

Больше всего ее ужасало молчание стоявшего за спиной человека. Если бы он заговорил и потребовал деньги, она бы даже обрадовалась. Но тот молчал, и это заставляло предполагать нечто худшее, чем простой грабеж.

Стараясь не выдать паники слишком порывистым движением, Маша поставила чашку на стол, плеснула туда заварки, снова долила чашку до краев кипятком из чайника-термоса... И внезапно развернувшись, выплеснула дымящийся чай туда, где, по ее расчетам, должно было оказаться лицо незнакомца. Еще прежде, чем Маша увидела что-нибудь, она услышала страшный крик и поняла, что не ошиблась. Швырнув в том же направлении чашку, она схватила чайник, другой рукой стараясь найти на столе хлебный нож, но тут ее остановил жалобный возглас, донесшийся из коридора, куда успел отступить грабитель:

– С ума сошла, что ж ты делаешь!

Голос был женский и очень знакомый. Девушка остановилась, все еще держа чайник наготове, а в следующее мгновение сделала то, на что уж никак не считала себя способной в этот долгий тяжелый день. Маша расхохоталась и едва не обварила сама себя, чуть не уронив на пол тяжелый горячий чайник.

– Она еще смеется! – с негодованием воскликнули в коридоре, и на свет показалось сердитое, мокрое лицо Анжелы, соседки по лестничной клетке, живущей в квартире напротив. – Чуть не убила меня и ржет!

– Прости, ради бога, я думала, ко мне маньяк забрался! – призналась Маша, отставляя чайник в сторону и с тревогой осматривая приятельницу. – Обожгла?

– Сама не понимаю, – раздраженно ответила та, отряхивая одежду. – Я увернулась, хоть в лицо не попало! Плечо вот жжет...

Маша торопливо достала из холодильника спрей от ожогов и, заставив Анжелу расстегнуть халат, обработала покрасневшее плечо. Теперь ей было не до смеха – стоило представить, что кипятком, в самом деле, мог попасть девушке в глаза... Анжела хмурилась, но терпеливо сносила обработку. Пришлось покрыть пеной еще и локоть, которым она инстинктивно заслонила во время нападения. Маша уже чуть не плакала:

– Какая же я идиотка! Очень больно?! Может, «скорую» вызвать?

– Ага, еще и милицию, – саркастически кивнула соседка, осматривая свой локоть, покрытый белой пеной. – Дай лучше чего-нибудь выпить, хоть в себя приду.

«Чего-нибудь» после поминок осталось немало, и Маша торопливо налила гостье водки – от вина та отказалась. Разом хватив полстакана, Анжела зажмурилась, перевела дух и уже куда веселее заметила:

– Вообще-то ты выступила по делу, я сама напросилась. Нечего было тихушничать, надо по-человечески в дверь звонить. Но я заметила, что у тебя открыто и заглянула...

– Значит, все-таки не заперла! – вздохнула девушка, слегка успокаиваясь. Она видела, что приятельница уже не сердится. Сбегав в прихожую, Маша набросила на дверь цепочку, еще раз выругав себя за рассеянность. «Сегодня Анжела, кто завтра? Тогда чашкой с кипятком не отобьешься! Привыкай жить одна!»

Девушка вернулась на кухню, подала гостье бумажные салфетки и та смахнула пену с обожженных участков. Осторожно натянув халат, она поморщилась и призналась:

– Чувствую себя полной дурой! Так глупо нарваться! Я ведь даже ругать тебя не имею права, ты молодец, сразу в драку! А с другой стороны, страшно... Если бы к

тебе старушка заглянула, с замедленной реакцией, ее бы уже в больницу везли.

- В другой раз позвони, - виновато попросила Маша.

- Да я сто раз подумаю, прежде чем еще к тебе сунуться! - полушутливо-полусерьезно парировала Анжела. - Ты меня так ошарашила, все из головы вылетело. А я ведь к тебе с чем-то шла!

- Посиди еще, может, вспомнишь? - Маша вопросительно указала на бутылку, но гостя выставила вперед обе ладони, словно отгораживаясь от соб- лазна:

- И не думай, меня Васька убьет, если унюхает! И так уже придется объяснительную писать. Есть у тебя кофе в зернах? Хоть пожевать...

И перемалывая крепкими зубами зерна, Анжела принялась эмоционально рассказывать об очередном конфликте с придирчивым ревнивым мужем, вечно пытавшемся уличить ее то в измене, то в распушенности, то в лени. Строго говоря, Маша понимала его претензии, так как ее старая школьная подруга была далеко не ангелом, но как раз Анжелу она никогда не судила строго. Может, та и была ленивой, избалованной и бесшабашной особой, у которой никак не получалось вписаться в образ семейной женщины, матери двоих детей... Анжела, с ее постоянно растрепанными обесцвеченными волосами, густо подведенными светло-голубыми глазами навывкате, громким хриловатым голосом и неизменным облаком сигаретного дыма перед носом казалась, скорее, подростком-переростком, любительницей экстрима, драк и дискотек. Ее доброту можно было считать бесхарактерностью, отзывчивость - излишней доверчивостью, вечную готовность помочь и самоотверженность - неумением планировать свое время и выбирать друзей. Но Маша так не считала и охотно прощала подруге все недостатки, за которые ее критиковал супруг.

- Если он думает, что я ему изменяю, почему не подает на развод? - допытывалась тем временем Анжела, яростно давя окурочек в чайном блюдце. - Я его не держу, выть не стану, отлично проживу сама, и детям будет лучше без этих вечных скандалов. Так нет, разводиться он не хочет! Сам не пускает меня работать, говорит, и так дома свинарник, тогда я совсем все заброшу... И сам же спрашивает, почему у нас такой скудный бюджет, где деньги?! Будто я их ем... Нет, ну ты скажи, логика есть, нет?!

– А ты разведись сама, – предложила Маша, слышавшая все эти жалобы уже не впервые. Она знала и ответ.

– Да что-то как-то... – протянула Анжела, закатывая глаза к потолку и принимаясь раскачиваться на жалобно скрипящей табуретке.

– Лень в ЗАГС сходить, – прокомментировала ее слова подруга. – Ладно, тогда жди, когда он к тебе привыкнет. Что ты изменишься, надежды мало!

– Не говори! – хохотнув, кивнула та. – Я же позор своей семьи, ты знаешь моих родителей. Папа – доктор наук, мама – доцент, культурные, воспитанные люди, ни выпить, ни закурить, ни нахамить другу другу... Да что там, у меня даже бабушка – с ученой степенью! Думаешь, они не пытались меня переделать? Бились, бились, да и сбыли на руки Ваське... – И секунду подумав, Анжела присовокупила: – Как подклеенную купюру. Авось, обратно не всучит!

– Однако он живет с тобой уже восемь лет, – напомнила Маша. – Значит, в сущности, его все устраивает. Плюнь ты на его выпады, есть люди, у которых без скандалов пищеварение не действует. Твой Василий как раз из такой породы. Вспомни свадьбу!

И молодые женщины согласно кивнули, поняв друг друга без дальнейших аргументов. В самом деле, бракосочетание Анжелы некогда произвело фурор во дворе и даже в окрестностях. Дело было не в том, что свадьбу играли с каким-то особым шиком и шумом, а в скандале, который показательно устроил жених. Ему показалось, что в приветственной речи, которой его встретил тесть-профессор, содержатся обидные намеки на его происхождение и образование. Василий в ту пору работал электриком в ЖЭКе и с будущей женой познакомился, когда пришел чинить замыкавшую вилку холодильника. Жених встал на дыбы, отказался ехать в ЗАГС, и плачущей беременной Анжеле стоило огромных трудов его успокоить. С тех пор Маша привыкла к тому, что на лестничной клетке зачастую слышались отзвуки истерик и даже оплеух. Она считала, что приятельница, несмотря на вечные жалобы, выбрала мужа себе по вкусу и не слишком страдает от подобного стиля отношений. Ей было жаль только детей, которые росли, как в бетономешалке, без надежды хотя бы на относительный мир и покой в семье.

Внезапно гостья хлопнула себя ладонью по лбу, словно убивая комара, и воскликнула:

– Вспомнила, зачем пришла! Может, и некстати... Сама не знаю, можно в таких ситуациях поздравлять с днем рождения? Короче, Маш, я тебя задним числом все-таки поздравляю!

И достав из кармана халата маленький сверток, протянула его хозяйке. Развернув блестящую розовую бумагу, Маша увидела свечку в виде ангелочка, прижимающего к груди красное сердце с надписью «I love you!». Она обняла подругу:

– Спасибо... Знаешь, ведь в этом году ты всего вторая, кто меня поздравил!

– А первая кто? – поинтересовалась Анжела.

– Мама, в больнице, перед операцией. – Промокнув глаза тыльной стороной ладони, Маша показала гостье браслет: – Вот, подарила.

– Какая прелесть! – простонала соседка, так и сяк поворачивая ее левое запястье. – Да это последний писк! Сейчас чем массивнее, тем лучше! Слушай, а ведь он серебряный?

– И ужасно тяжелый, – призналась девушка. – Его все время чувствуешь. Но мне это даже нравится.

– Еще бы... – с прежней, восторженной интонацией протянула Анжела. – А какие шикарные ка- мушки!

– Это кораллы, – терпеливо пояснила Маша, видя, что браслет произвел на подругу неизгладимое впечатление. Удивляться было нечему – та всегда обожала украшения, питая слабость к яркой дешевой бижутерии, так как покупать настоящие драгоценности у нее не было возможности. Браслет из настоящего серебра с настоящими кораллами подействовал на Анжелу, как удав на кролика. Молодая женщина казалась загипнотизированной и не сводила с него остановившегося взгляда.

- Потрясающая вещь! – выдохнула наконец она. – Сколько он может стоять?

- Андрюшина невеста думает, пятьсот долларов, не меньше.

- Эта крашенная выдра? – разом оживилась Анжела, на секунду отвлекшись от браслета. Она не раз встречала Зою, когда забегала навестить приятельницу, и полностью разделяла Машино мнение о ней. Обычно резкая в суждениях, Анжела заходила еще дальше в своей неприязни и полагала, что хитрая и лицемерная невеста Андрея вообще не имеет никаких положительных качеств. Даже Маша иногда возражала, указывая на несомненные козыри, которыми располагала Зоя: хозяйственные таланты, безупречную фигуру, умение нравиться мужчинам... «И раздражать женщин!» – обычно присовокупляла она про себя.

- У них все-таки будет свадьба? Андрюшка не передумал? – Анжела по привычке говорила о младшем брате подруги, как о несовершеннолетнем и несамостоятельном мальчишке, каким он остался в ее глазах. – Боже мой, сам лезет в петлю! Ну, чего ради он женится?! И так вместе живут, без всякого ЗАГСа! Или она беременна?

- Как? – вздрогнула Маша. – Не знаю... Они говорят об этой свадьбе с начала лета, так что вряд ли. Тогда она бы уже ходила с заметным животом.

- Ну и нечего ему себе жизнь уродовать! – горячо воскликнула Анжела. – Тем более эта стерва уже была замужем, он у нее не первый! Обязательств перед ней никаких! Я тебя уверяю, она даже не дернется, когда он ее бросит! Вообще не понимаю, зачем эта богатая кукла замуж за него лезет! Если б у него хоть деньги были... А так – вроде никакого расчета...

- Вот поэтому мне никак не удастся его отговорить, – пожаловалась Маша, хотя, если начистоту, никогда всерьез и не пыталась воздействовать на брата. – Что бы я ни делала, она всегда остается права, а я выгляжу стервой. Пусть женятся, мне теперь дела нет.

- А когда? – любопытствовала соседка. – Придется перенести, они же собирались в середине ме- сяца?

- Думаю, так и сыграют, – с деланным хладнокровием ответила Маша.

– А как же траур?! – Анжела вытаращила и без того выпученные глаза, и они на миг показались вдвое больше. – Девять, сорок дней?! Она что, совсем рехнулась, эта вешалка?!

– Вопрос уперся в деньги. – Девушка сама поразилась тому, как спокойно и даже иронично прозвучал ее голос. – А денег у Андрея больше нет, и второй раз ему такую свадьбу не подготовить. А жениться хочется.

– И ты согласишься?!

– Боюсь, не в моих силах что-то изменить. – Маша по-прежнему говорила подчеркнуто отстраненно, давая понять, что тема ей неприятна.

Но подруга намеков не понимала и кипела от возмущения, стуча кулаком по кухонному столу:

– А я бы знаешь, что?! Я бы их свадебный кортеж тухлыми яйцами закидала! Просто-таки все стекла, чтобы и снаружи было красиво, и внутри приятно! Пусть наслаждаются!

– Ну, это хулиганство. – Девушка не удержалась от слабой улыбки, идея показалась ей хотя и грубой, но довольно впечатляющей. – И потом, тебя схватили бы после первой же подбитой машины!

– Что я, ненормальная, сама яйца кидать? – фыркнула Анжела, выразительно крутанув пальцем у виска. – Я бы раздавала их детям во дворе, каждому сунула по двадцать рублей... И приветик – все разом швырнули и разбежались, лови их!

Маша уже открыто смеялась, воображая последствия подобной мести. Ей особенно отчетливо представилась Зоя, в перепачканном желтками свадебном наряде, растерянная, униженная, сбита с толку. Но она тут же увидела рядом искаженное лицо Андрея, и ее улыбка погасла. «Как бы там ни было, он любит эту пиранью, и я не вправе портить ему такой день».

– Я над этим подумаю, – тем не менее пообещала она и встала, видя, что гостя поднимается из-за стола. – Спасибо, подняла настроение! А то уже начались мысли на тему, что жизнь прошла и никому я не нужна...

– Хочешь, познакомлю с одним парнем? – азартно предложила Анжела, уже направляясь к входной двери. – Высший сорт, как раз тебе подойдет! Симпатичный блондин, высокий, знает кучу анекдотов, а как на бильярде играет! Только что развелся! Честное слово, сама бы с ним любовь закрутила, да ты же знаешь...

– Спасибо! – засмеялась Маша, отпирая дверь. – Мне бы что-то поскромнее, а то разом столько достоинств! Лучше сама кандидата подыщу. Беги к своим, дети, наверное, уже что-нибудь расколотили.

– А, гори оно все... – протянула Анжела, останавливаясь на пороге и тоскливо поглядывая на дверь своей квартиры. – Они мне так голову к вечеру задуривают, я не то что книгу, телепрограмму перед сном почитать не могу. Буквы не узнаю! А если еще мой начнет триндеть... По поводу денег, уборки и готовки – это еще ничего, но если приревнует... Знаешь, что в последний раз было? – Обхватив ладонью горло, молодая женщина сделала страшные глаза: – Обещал задушить!

– Ну, и какие тебе еще нужны разведенные блондины? – упрекнула подругу Маша. Она невольно поежилась, хотя знала цену обещаниям ревнивого соседа. – Смотри, ты его дразнишь, и однажды у него крышу сорвет! Скажи хоть спасибо, что не пьет, а то бы давно...

– Разве он может пить? – возразила та. – Он же электрик, техническая аристократия! Ладно, пока!

И уже перебежав половину площадки, внезапно вернулась и успела придержать закрываемую Машей дверь. Ее резкий хриплый голос зазвучал просительно, почти умоляюще:

– Маш, будь другом, дай до завтрашнего вечера этот браслет! Я утром еду к своим, понимаешь, хочу произвести хорошее впечатление! Я им скажу, что мне его Васька купил! – Анжела тараторила, пытаясь воздействовать на собеседницу силой словесного напора. – Они о нем в последнее время плохо отзываются, пусть хоть что-то позитивное прозвучит!

Маша замялась. Она не слишком удивилась просьбе, ей были понятны восхищенные взгляды, которые бросала подруга на браслет, и если бы речь шла

об обычном украшении, она согласилась бы немедленно.

– Но это же мамин подарок, – выговорила девушка после неловкой паузы. – Последний...

– Да ведь я прошу на несколько часов! – Анжела молитвенно сложила руки на груди и невольно поморщилась, когда халат натянулся на обожженном плече: – И даже не для свидания! Покажусь родителям и сразу верну!

– А что потом им скажешь, когда спросят, куда делся Васин подарок? – Маша неохотно расстегнула замок и протянула подруге тяжелый браслет, нагретый теплом запястья. Ей было жалко и тревожно выпускать его из виду, но отказывать дальше она не могла. «В конце концов, я ее обварила кипятком!»

Анжела просияла и, схватив подношение, спрятала его в карман халата, словно боясь, что его немедленно отнимут:

– Да неважно, скажу, дети куда-то засунули! Знаешь моих бандитов!

Она торопливо распрощалась и скрылась за своей дверью. Вернувшись в квартиру, Маша заперла оба замка и, устало ссутулив плечи, побрела умыться. Она легла спать, ругая себя за излишнюю мягкость и неумение отказывать. Девушка думала, что долго еще будет ворочаться в постели, перебирая в памяти впечатления бесконечного дня, но заснула почти мгновенно, стоило примять кулаком подушку, набитую гречневой шелухой, и пристроить в образовавшейся ямке гудящую голову. Мир исчез, перестал существовать, и она провалилась в темную яму, где не было даже сновидений.

* * *

Ее разбудил резкий звук, похожий на звон бьющейся посуды. Создавалось впечатление, что где-то рядом, за стеной, с размаху швырнули об пол поднос, заставленный чашками и бокалами. Маша недовольно застонала, не открывая глаз, пытаясь снова провалиться в сладкий черный сон, но вместо этого проснулась окончательно. В комнате было темно, проникавший сквозь задернутую занавеску свет уличных фонарей лишь намечал предметы, не освещая их целиком. Была ночь, или, может быть, еще вечер – девушка не могла

понять, как долго спала. Щелкнув выключателем настольной лампы, она взглянула на будильник и ужаснулась. Шел третий час ночи. «Ну вот, проснулась в такое время, теперь вообще не усну! Что это, стекло где-то разбили?»

Маша полежала, прислушиваясь, но со двора (а теперь ей казалось, что разбудивший ее звук пришел именно оттуда) не было слышно ничего – в такой час по нему даже машины не проезжали. Зато до нее внезапно дошла волна ночной свежести, как будто где-то в квартире открылось окно. В следующий миг она, панически раскрыв глаза, уселась в постели. «Это же у нас окно разбили! У меня!» – поправилась она, и ей стало еще жутче.

Маша с детства жила на первом этаже и привыкла ко всем прелестям подобного существования. Каждое слово, произнесенное возле подъезда, ей будто вкладывали в ухо, от шума отъезжающих и приезжающих машин не было покоя ни утром, ни вечером. Днем на детской площадке звенели голоса и оглушительно стучал футбольный мяч, ночью зачастую раздавалась громкая музыка, которой украшали свои посиделки местные подростки. Ко всему она привыкла и ничто ее в целом не раздражало. Маша, подражая матери, старалась жить со всеми соседями в дружбе, и за всеми этими звуками для нее стояли конкретные люди, с которыми у нее были хорошие отношения.

Но не сейчас. Никто из соседей не мог бы разбить окно у нее в квартире. Да еще ночью. Да еще на другой день после похорон...

На всех окнах были решетки, довольно-таки заржавленные, но еще вполне надежные, хотя это не придало девушке храбрости. Она знала, что достаточно одного хорошего рывка, чтобы вырвать решетку из старой кирпичной кладки. Но уж это действие точно разбудило бы многих соседей, люди выглянули бы на шум из окон, чтобы как минимум взглянуть на свои машины, припаркованные во дворе. «Не может быть, чтобы воры на это решились! – сказала себе Маша, настороженно вслушиваясь в ночную тишину. – Такой риск, ради чего?! Что у нас красть?!»

Слух у нее был отличный, и все же она не могла различить ни одного подозрительного звука. Маша понемногу успокаивалась. Могло оказаться, что в окно швырнул камнем случайный пьяный прохожий, или оно само, неплотно прикрытое, распахнулось от порыва ветра и разбилось. Девушка решила встать и на цыпочках прокралась в коридор, а затем, на всякий случай не включая света, на кухню.

Вздрыгнув от холода, она первым делом взглянула на окно. Занавеска слегка надувалась от ветра, и особенно отчетливо слышался дробный стук дождевых капель, разбивающихся о жестяной слив. Только это и говорило о том, что стекла в раме больше нет. Решетка осталась на месте, Маша отчетливо видела очертания прутьев на просвет.

Девушка шагнула, и под ногами тут же захрустело стекло. Инстинктивно поморщившись, хотя сквозь подошвы тапочек осколки не прошли, Маша пробралась к окну и, не отдергивая занавески, попыталась рассмотреть, нет ли кого во дворе. В свете фонаря танцевала водяная пыль, дождь шел лениво и неохотно, то выбрасывая горсти капель, то повисая в воздухе душной моросью. Чуть поодаль, у бровки тротуара, выстроились темные машины. Ни у одной не сработала сигнализация, из чего Маша заключила, что удар был не таким уж оглушительным. «Мне сквозь сон показалось, что звук очень громкий!»

Было очевидно, что совершивший нападение успел скрыться и повторять попытку проникнуть в квартиру не собирается. Маша сделала такой вывод еще и потому, что увидела дворового пса Бобку, мирно трусящего через тротуар в направлении помойки. Этот буро-рыжий кобель, несомненно, имевший в своем активе некоего предка-сенбернара, интересовался двумя вещами на свете – едой и незнакомыми людьми. Первую он слепо и неразборчиво обожал, вторых терпеть не мог. Пес так неприветливо задирает верхнюю губу и щетинил грязную шерсть на мощном загривке, что чужакам становилось не по себе. Впрочем, не было случая, чтобы Бобка кого-то укусил. Догадливый и осмотрительный, как все дворняги, он старался ни с кем не конфликтовать, отлично понимая, что положение его, в общем, весьма непрочно.

«Если бы во дворе все еще был кто-то чужой, Бобка торчал бы напротив моего окна и скалился, и капал бы слюной в лужу, и ворчал. – Девушка проводила взглядом удалявшуюся в темноту собаку и перевела дух. – А страшно жить одной! Даже когда мама была в больнице, я все-таки не чувствовала себя так одиноко. А теперь я... Как наш Бобка!»

Проведя это неутешительное сравнение, Маша решилась наконец зажечь свет, чтобы оценить ущерб. Пол, покрытый истертым линолеумом, усыпаны осколки стекла, они блестели на плите, на столе, всюду, куда падал взгляд. Девушка сразу увидела то, что произвело эти разрушения. Неподалеку от окна лежала половинка кирпича. Версия насчет порыва ветра мгновенно опрокинулась.

«Да и ветра никакого нет. – Она присела на корточки, с опаской рассматривая кирпич, словно он мог внезапно подняться с места и полететь в ее сторону. – Ну вот, начало новой жизни! Сколько мы тут живем, никогда ничего подобного, а стоило остаться одной...» Маша снова взглянула на часы, и ей стало вдвойне грустно. Прежде она могла обратиться к брату в любое время, ей бы в голову не пришло чего-то стесняться или бояться. Сейчас, когда с ним рядом была Зоя, даже простой звонок стал проблемой, не говоря уж о таком позднем... «Когда он при ней говорит по телефону, у него голос какой-то чужой, будто кто-то прикидывается Андреем, подражает ему! И все время такое чувство, что ему хочется положить трубку. В такие минуты кажется, что он меня больше не любит...»

Вытащив из-под раковины совок и веник, она смела стекло отовсюду, где успела его заметить. Завершить уборку Маша решила утром, на свежую голову. Оставалась проблема, как спать при открытом окне, пусть даже в другой комнате. Ночь была сырой и холодной, и девушка ежилась под наспех накинутой курткой. Выйдя в прихожую, она открыла дверцу стенного шкафа, чтобы подобрать какую-нибудь старую рухлядь и заткнуть окно. На самом виду, на вбитом в стену гвозде висела теплая куртка Андрея. В ней он ходил последние два-три года, до тех пор пока не встретил Зою. Вместе с новой девушкой у него появились новые вещи, более высокие запросы, и удобная, но совершенно немодная куртка больше его не прельщала. Маша сняла ее с гвоздя и с мстительным чувством заткнула оконный проем, закрепив плотную ткань по краям решетки.

– Спокойной ночи! – громко сказала она, стоя на пороге, словно куртка была частью Андрея и могла отвечать за своего бывшего хозяина. – Хоть на что-то пригодишься!

И закрыла за собой дверь.

* * *

Вероятно, виной тому, что Маша спала до утра как убитая, ни разу не перевернувшись на другой бок, был свежий воздух, которого в квартире оказалось в переизбытке. Куртка прикрывала окно только от дождя, а сквозняки разгуливали свободно. Однако проснулась девушка не от холода, а от назойливых звонков в дверь. Не дождавшись ответа, звонивший принял

стучать, так же настойчиво и энергично. Маша натянула на плечи теплое одеяло, под которым грелась всю ночь, и побрела в прихожую.

Разглядев в «глазке» брата, она отперла и едва успела посторониться – тот влетел в квартиру, чуть не сбив Машу с ног. Оглядев сестру диким взглядом, Андрей воскликнул:

– Что, что с тобой?! Почему окно разбито?!

– Видел? – Она протерла глаза, стараясь проснуться окончательно. – А куртку не украли?

– Курт-ку? – Повторил он по слогам, будто слово это было ему незнакомо. – Машка, с тобой все в порядке? Ты не пострадала?

– Я нет, а вот окно высадили. Начисто, как после бомбежки! Кто-то кирпич кинул. – Зевнув, девушка приоткрыла дверь на кухню и с первого взгляда убедилась, что куртка, украшавшая оконную решетку, на месте. – Придется в ЖЭК идти, чтобы стекло вставили. Я даже понятия не имею, делают они это или нет?

– Да я сам все сделаю. – Убедившись, что сестра вполне спокойна, Андрей и сам слегка успокоился. – Сейчас сниму мерку, заскочу на рынок, в стекольную мастерскую, и вечером, после работы, опять к тебе. Только замазку сама припаси, могу не успеть... А в обеденный перерыв, сама понимаешь, такого мне не купить...

Театр, в котором работал Андрей, располагался в самом центре, неподалеку от Тверской, и приобрести в окрестных магазинах такой предмет, как оконная замазка, представлялось изумительно сложной задачей – все равно, что герою сказки достать молодильные яблоки или аленький цветочек.

– Найду что-нибудь, – кивнула Маша. Она удивилась и обрадовалась, и даже не потому, что решилась проблема с разбитым стеклом. Андрей предлагал свою помощь совсем как прежде, не отговариваясь срочными делами. Его время, свободное от работы, теперь было целиком посвящено Зое, сестра и мать его почти не видели.

– А что это ты с утра пораньше прилетел? – Взглянув наконец на часы, девушка удивилась еще больше. Брат явился в совершенно нехарактерное для него время. В половине девятого утра он, как правило, еще спал, благо его театр начинал жить часов с одиннадцати.

– Я о тебе беспокоился, – неожиданно смутившись, признался тот. – Вчера скверно расстались... И еще Зоя тебе звонила, наговорила, наверное, чего-нибудь... Я не слышал, заскочил в магазин, а когда вернулся, она уже дала отбой, сидела в машине, надутая. Я потом даже не решился тебе позвонить.

– Ну и зря, я не очень-то на тебя обиделась, – удивляясь собственному самообладанию, заявила девушка. Хотя у них с братом возрастная разница всего в три года, она ощущала себя гораздо старше. – В куклах я, в самом деле, понимаю больше, чем в людях. А Зоя тоже ничем меня не обидела. Просто слишком горячо интересовалась, не было ли описи наследства. Боялась, что ячейку ограбили.

– Опять за свое! – в сердцах воскликнул парень, ударяя ладонью о ладонь. – Весь вечер рассчитывала, сколько мама платила банку, да зачем это было нужно, если вклад пустяковый... Знаешь, у нее такой практический ум, ей это покоя не дает! Если в чем-то нет логики, это ее пугает!

– Меня тоже пугает, – заметила Маша, имея в виду, впрочем, нечто иное. – Ты-то сам не думаешь, что нас обокрали?

– А кто его знает, – замороченно протянул Андрей, осматривая разбитое окно. – Тащи рулетку и заодно оденься. Стоишь голая на холоде, пневмонию зарабатываешь!

У себя в комнате девушка торопливо натянула свитер и джинсы, отыскала в рабочем ящике маленькую рулетку. Ее взгляд снова упал на будильник, и Маша покачала головой, глядя на стрелки, слившиеся в одну черту и показывавшие без четверти девять. «Да он никогда в такое время не встает! Его за ноги надо тащить, чтобы вытряхнуть из постели! Прямо завидно, взрослый парень, курит, пьет кофе с утра до ночи, нервы не в порядке, а спит как убитый! Что-то там случилось... Может, с Зойкой поругался?»

Она воодушевилась этой догадкой, но решила ни о чем не расспрашивать брата, тем более тот намеревался заглянуть к ней и после работы. Это уже было огромной победой. «А там, кто знает? Может, останется с ночевкой?»

Они смерили опустевшую раму, Андрей записал размеры требуемого стекла и заторопился:

- Как раз успею на рынок... В обед позвоню!

- Даже кофе не выпьешь? - изумилась Маша, глядя, как тот шнурует ботинки. - Я бы мигом!

- Меньше крутись на кухне, а то мигом будет простуда, - буркнул тот, взясь с запутавшимся шнурком. - А лучше, иди на весь день к своей этой, Анжеле. Она пригреет!

- Анжела едет к родителям. - Маша не удержалась от улыбки, вспомнив вчерашний инцидент с кипятком, казавшийся теперь скорее смешным, чем опасным. - Представляешь, выпросила у меня мамин браслет, покрасоваться перед ними. Я не смогла отказать.

Андрей внезапно выругался и дернул шнурок так резко, что порвал его. Выпрямившись, он уставился на сестру с гневным недоумением во взгляде. Маша уязвлено пожала плечами:

- Не смотри так, это же на пару часов!

- Ты отдала браслет этой халде? - отчего-то шепотом спросил Андрей. - Мамин браслет?

Теперь девушка обиделась всерьез.

- Анжела не халда, она добрый и порядочный человек! - твердо заявила она, бестрепетно встречая обличающий взгляд брата. - И не надо меня учить, как обращаться с маминым подарком! Если я так поступила, значит, знала, как бы на это посмотрела мама!

– Мама ее не выносила! – Обретя утраченный от волнения голос, парень заговорил на нотах, близких к визгу. – Она терпеть не могла, когда эта крашенная лахудра тут отиралась! Ясно, теперь путь свободен, она и вылезла на разведку! Погоди, еще выпивать вместе начнете!

– Кого не выносила мама, я тебе вчера сказала. – Маша из последних сил пыталась не сорваться на крик. Больше всего ей хотелось устроить скандал, что-нибудь разбить – другое окно, к примеру. Ее бесило сознание собственного бессилия, она понимала, что прежних отношений с братом уже не вернуть. – А после того, как ты решил не отменять свадьбу, у тебя нет права читать мне нотации.

– Что ты прицепилась к нашей свадьбе! – Андрей с искаженным лицом нажимал дверную ручку, не замечая того, что защелка замка задвинута. – Никого это не оскорбляет, кроме тебя! Ты врешь, мама желала мне счастья! Она бы не обиделась! А ты, ты просто...

– Скажи, что я завидую. – Маша отстранила брата и отперла замок. Приоткрыв дверь, она взглянула на Андрея с напряженной, вымученной улыбкой. – Ты ведь так думаешь? Потому что моя свадьба не состоялась, да? Думаешь, хочу отомстить, испортить тебе праздник? Ведь тогда я не вышла замуж из-за тебя!

– Так и знал, что ты меня когда-нибудь этим попрекнешь! – бросил тот, вылетая на лестничную площадку. – Нечего прикрываться благородными мотивами, вы все равно никогда бы не поженились!

– Почему это?! – высунулась вслед за ним Маша. Обычно она осуждала тех, кто предпочитает решать свои проблемы на людях, но сейчас ей было все равно, хоть сбегись на их крики весь дом. – Что ты можешь об этом знать?!

– Ты зануда, ханжа и эгоистка! – обернулся Андрей, уже на ступеньках. – И ты не умеешь делать добро просто так и любить просто так не умеешь! Про себя считаешь, что все тебе должны-обязаны, как в ресторане, каждому счет выписан!

– Значит, зануда, ханжа и эгоистка? – срывающимся голосом повторила Маша. – Уж что-нибудь одно, для начала... Чтобы я хоть привыкла! Видимо, ты по-другому со мной уже разговаривать не будешь.

Не ответив, Андрей хлопнул дверью подъезда и скрылся. Только сейчас девушка заметила, что у их перепалки в самом деле были свидетели. «Странно, что всего двое!» – подумала Маша, кивая соседкам, замершим на площадке между первым и вторым этажами. Те ответили вежливыми кивками и пристальными взглядами. Девушка сочла нужным пояснить:

– У нас с Андреем нервы сдают... вы понимаете...

– Да, конечно, – согласилась с нею женщина, жившая в квартире прямо над ней. – А уж вам так вообще досталось! Ведь одни эти больницы чего стоят, только свяжись... Бездонная дыра!

– Если бы еще лечили, – подхватила соседка с третьего этажа, державшая за руку маленькую внучку. – Тогда бы и денег не жалко, честное слово! А то одни расходы. Ты, Маша, держись! А с Андрея, как со всех мужиков, спрос небольшой, – добавила она, доверительно понижая голос. – Они все сейчас психопаты!

– Свадьбу теперь, конечно, отложат? – полюбопытствовала первая женщина.

– Конечно... Наверное... – забормотала Маша, прикрывая дверь и проклиная себя за то, что пошла на поводу у брата и ввязалась в ссору. – Нам не до этого...

«Идиотка, устроила сцену в подъезде, радуйся теперь! – Захлопнув дверь, девушка еще раз выругала себя за несдержанность. – Тетя Таня с третьего всем раззвонит, что мы с Андреем поцапались на третий день после похорон. А что будет, когда все узнают, что свадьба состоится в назначенный срок!» Теперь она не сомневалась, что так и будет. Вспышка гнева у Андрея могла означать только это, да и поток обвинений лишь прикрывал его неуверенность в собственной правоте. «О чем бы мы с ним ни говорили, разговор все равно свернет на эту проклятую свадьбу. Каждый из нас помнит про пятнадцатое октября, как преступник про день казни... Я знаю, ему все это не в радость, но знаю и то, что Зою он будет защищать до последнего... Самое лучшее для нас сейчас – совсем не общаться, но как раз это-то и невозможно!»

Она принесла из маминой спальни электрическую батарею и установила ее на кухне, под самым окном. После этого стало возможным сварить кофе, не кутаясь в верхнюю одежду. Через десять минут кухня нагрелась так, что Маше стало почти жарко. Она присела с чашкой кофе к столу, придвинув к себе кипу иллюстрированных журналов, одну из десятков, валяющихся тут и там, по всем углам маленькой квартиры. Сколько девушка себя помнила, она не выбросила ни одного журнала, о чем бы он ни был – о моде, о спорте или об интерьерах. Маша не любила избавляться даже от старых телепрограмм и, защищая от матери и брата пыльные неподъемные пачки, настаивала, что там попадаются очень интересные фотографии. Это было странное и не всегда удобное хобби, которое, впрочем, часто помогало Маше в ее работе. Создавая кукол, она нередко черпала вдохновение именно в старых журналах, воплощая встреченные там лица в глине, фарфоре или ткани. Маша считала, что именно этот подход и принес успех ее произведениям, выделив их среди моря других авторских кукол. Она никогда не вдохновлялась абстрактной фантазией или сказочным персонажем, у ее кукол были реальные прототипы среди живых или недавно живших людей, и даже если зрители не догадывались об этом, то бессознательно ощущали, что перед ними некие портреты.

Рассматривая картинки, девушка невольно отвлеклась от мрачных мыслей, ей стало легче, она даже заулыбалась, снова встретив фотографию, которая не давала ей покоя уже вторую неделю. Теннисистка стояла на корте, готовясь к подаче, сжимая в одной руке ракетку, в другой мячик. Загорелое лицо насуплено, ярко-голубые глаза смотрят недоверчиво и напряженно. Спортсменка стояла в абсолютно статичной позе, обдумывая удар, но ее тело было похоже на скрученную пружину, готовую разжаться в любой момент, чтобы обрушиться на противника.

«А что, сделаю-ка я теннисистку. – Косясь на снимок, Маша допивала вторую чашку кофе. – Пусть обвиняют в конъюнктуре, переживу! Балерин делают тысячами, это высокий жанр, это можно. А теннисистку почему-то нельзя, позор! Будто я звезду нашей эстрады собираюсь “изваять”!»

Отложив спортивный журнал в сторону, девушка принялась исследовать бумажные залежи, скопившиеся в углу за холодильником. Ей помнилось, что там могло найтись кое-что по нужной тематике. Чихая от поднявшейся пыли, Маша вытащила на середину кухни увесистые кипы, к которым никто не прикасался последние года два. Ревизия могла занять весь день, и девушка решила приступить к делу немедленно. Собственно, у нее была другая работа, более

срочная, хотя менее интересная. За этот заказ к тому же обязательно заплатили бы, а вот теннисистку предстояло не только сделать, но и продать... И все же Маша выбрала ее. Мастера очередную старорежимную барышню в кудряшках, она заняла бы только руки, не голову, а значит, снова впала бы в депрессию. Делать подобных кукол она могла бы и во сне, столько их уже прошло через ее рабочий стол! «А тут, по крайней мере, будет о чем подумать!» – Маша склонилась над журналами и смахнула пушистую буроватую пыль. На полу что-то зазвенело – девушка не заметила нескольких мелких осколков стекла, валявшихся на пачке. «Еще год буду выгребать! И кому понадобилось разбивать окно?!»

Она хотела уже принести совок и веник, чтобы убрать осколки, но ее взгляд остановился на маленьком предмете, притулившемся под самой кипой пыльной бумаги. Маша смахнула его на пол вместе со стеклом и заметила только сейчас. Удивленно нахмурившись, девушка двумя пальцами подобрала с пола серебристый ключик на ярком брелоке, показавшемся ей сперва сделанным из пластика. Однако, поднеся его к глазам, Маша безошибочно узнала кораллы из своего браслета – точную их копию. Ключик крепился на подвеске из двух серебряных звеньев, в каждое из которых был вставлен карминово-красный, оформленный в виде квадратной пластины коралл. Рисунок оправы был точно такой, как на браслете, камни того же размера, и с обратной стороны они тоже были оставлены необработанными.

В первую минуту она поддалась панике – ей почудилось, что это часть браслета, непонятно каким образом порвавшегося и разлетевшегося на части. Однако, припомнив подробности вчерашнего вечера, Маша взяла себя в руки. «Не может быть, чтобы браслет порвался! Я передала его Анжеле вовсе не здесь, а на пороге, и он был совершенно цел!»

Однако подвеска с ключиком, несомненно, имела прямое отношение к браслету – будучи художницей, девушка даже не сомневалась в этом. Браслет и подвеска были выполнены в едином стиле, явно по эскизам одного мастера, а может, и одной рукой. Она представила их вместе и даже в воображении убедилась, что вызывающая массивность браслета только выиграла бы рядом с подвеской. Тогда украшение окончательно приобрело бы средневековый колорит.

Проблема была только в том, что, когда они с братом вскрыли банковскую ячейку, подвеска к браслету не прилагалась, и ее появление в кухне, в пыльном углу за холодильником, среди старых журналов и свежих осколков, объяснению

не поддавалось. «Может быть, мама спрятала... – терялась в догадках девушка, теребя в пальцах серебряные звенья подвески. – Браслет в банк, а это – где пришлось... Да нет, чего ради тогда оплачивать ячейку?! А если не мама, то как это вообще сюда попало?!»

Неожиданно резкий лай собаки заставил ее вздрогнуть и повернуться к окну. Так как стекла не было, звуки со двора доносились с неприятной отчетливостью, куртка, игравшая роль барьера, лишь скрывала Машу от посторонних взглядов, да и то относительно. «А вообще, странно, уже десять часов, а все еще будто спят. Только-только собачники выходят. Воскресенье, что ли?» Взглянув на календарь, девушка убедилась в своей догадке и одновременно поняла две вещи.

Первое – поскольку в воскресенье Андрею незачем было являться на работу раньше часа дня, его ранний визит становился совсем уж удивительным.

Второе пришло ей в голову, когда ее взгляд остановился на половинке кирпича, все еще лежавшей под окном, рядом с плитой. Вчера она не решилась его тронуть, думая показать кому-нибудь, куда упал камень. Но теперь, заметив его, девушка вдруг поняла, что может попытаться обосновать сразу два необъяснимых факта. «Непонятно, зачем разбили мне окно, откуда-то взялась подвеска... А если окно разбили, чтобы ее подкинуть?!»

Она снова обшарила угол за холодильником, надеясь найти какое-нибудь подтверждение своей версии, но выгребла оттуда только ком бурой пыли, несколько обгоревших спичек и леденец без обертки. Отбросив веник, Маша сжала подвеску в кулаке, словно пытаясь убедиться в ее реальности и не дать ей исчезнуть самой по себе – так же, как появилась.

«Браслет мне подарила мама, – прислушиваясь к звукам просыпающегося двора, думала девушка. – А это – кто?! Тот, кто не хотел попадаться мне на глаза и предпочел разбить окно?!» И она порадовалась, что наступил день, потому что ночью этот вопрос мог показаться не только загадочным, но и зловещим.

После полудня неожиданно потеплело, тучи, вот уже несколько дней висевшие над городом, ушли на север. Освобожденное солнце оказалось таким жарким, что казалось, снова наступило лето. Маша давно выключила батарею и даже вынула из оконного проема куртку, решив, что на такую погоду достаточно простой занавески. Стоило ей показаться в окне, она столкнулась чуть не лицом к лицу с той самой соседкой, с которой объяснялась утром. Та с сочувственным видом кивнула:

- Что натворили, а? Неужели ночью?

- Ночью, тетя Таня, - обреченно ответила девушка, облачиваясь на подоконник. Меньше всего ей хотелось откровенничать с этой записной сплетницей, но оставить ее вопросы без внимания было бы хуже во сто крат.

В этом она убедилась четыре года назад, когда встречалась с парнем, за которого всерьез собиралась замуж. Они с Пашей обычно прощались во дворе, идти в квартиру не имело смысла, так как уединиться там не удавалось. Комнаты у Маши не было, она спала в маминой спальне, держала вещи в комнате брата, работала там, где находился свободный угол... В общем, так было всегда, с тех самых пор, как они с братом выросли настолько, что уже не могли раздеваться друг при друге и детская комната сама собой превратилась в комнату Андрея. Маша привыкла к такому положению дел и ничего унижительного или неудобного в этом не видела. Но, когда у нее появился жених, поняла, как мала их квартирка, и ее собственные права в ней. Тогда-то они с Пашей и стали везде наткаться на соседку с третьего этажа. Та слащаво улыбалась Маше и задавала ненужные, продиктованные ложной любезностью вопросы, вроде: «Как дела у мамы?» или: «Как Андрюша учится?» Маша отвечала отрывисто и сердито, давая понять, что общение с соседкой ее вовсе не привлекает. В самом деле, прежде та никогда не проявляла интереса ни к делам их матери, ни к учебе Андрея. Смысл ее приставаний сводился к тому, чтобы иметь возможность остановиться рядом с парочкой, застывшей в подъезде, и получше рассмотреть парня. Кончилось тем, что Татьяна Егоровна сочла себя обиженной неприветливыми ответами соседки и перестала ее подстерегать. Зато по двору поползли слухи, от которых у Маши волосы встали дыбом, когда они дошли до нее в передаче Анжелы. Выходило, что Маша встречается не то с сутенером, не то с мелким воришкой, недавно освободившимся из тюрьмы, и даже ждет от него ребенка. Мать-де не пускает парочку на порог, вот они и греются в подъездах, пугают припозднившихся жильцов и заодно присматриваются к чужим дверям, известно, для чего.

Разумеется, они с Пашей расстались вовсе не потому, что испугались чьей-то буйной фантазии, но определенную роль в разрыве эти сплетни сыграли. Машина мать, услышав кошмарные рассказы о влюбленной парочке, не выдержала и попросила у дочери объяснений. Потрясенная недоверием, та обиделась, а мать, в свою очередь, обиделась на Пашу, так как именно он, по ее мнению, превратил Машу из «ее девочки» в нервную, раздражительную особу. Его редкие визиты сопровождались демонстративным молчанием и тревожными взглядами, которые мать посылала Маше тайком, но тайной они, конечно, не являлись. Паша сначала пытался шутить, потом начал высказывать претензии и, в свою очередь, обиделся, потому что ничем не заслужил такого отношения. Обида усугублялась тем, что Маша попросила его повременить со свадьбой. Она объясняла, что сперва ей нужно помочь выучиться брату, что основную статью семейного бюджета составляют, как ни смешно, ее куклы, а какой-то год-два ничего в их отношениях не изменят... «Если у нас все по-настоящему, конечно!» – добавляла девушка, чувствуя в этот миг, что произносит не свои слова. Получалось, она желает какой-то проверки отношений на прочность. На самом же деле Маша ничего проверять не хотела. Она чувствовала, что именно с этим парнем ей будет спокойно и хорошо, как ни с каким другим. Но ей оставалось только прикрываться пустыми словами, тянуть время и видеть, как Паша все больше тяготится их встречами. Роман, на который она возлагала большие надежды, постепенно сошел на нет, и она почти не удивилась, услышав, что у Паши появилась другая девушка, и свадьба уже не за горами.

«И вот сейчас тетя Таня думает, как объяснить мое разбитое окно, и чем дольше я буду молчать, тем хуже получится ее собственная история! Начнет звонить на всех углах, что мне его брат из-за наследства расколотил, или я опять с каким-то уголовником связалась. Почуяла свободу!»

– Часа в два ночи швырнули кирпич, – и, пошарив по полу, Маша предъявила материальное доказательство своих слов. – Хорошо, меня тут не было, а то, если бы в голову...

– Вот-вот! – азартно проговорила соседка, вцепившись взглядом в половинку кирпича. – То-то мне послышалось ночью, где-то стекла бьют... Да я уже ногу от артрита намазала, не встала. Залезть пытались?

– Вроде нет.

– А милицию вызвала?

– Из-за этого? – Взвесив на ладони кирпич, Маша с усмешкой положила его на подоконник. – Да не стоит. Просто хулиганство.

Разумеется, она не собиралась показывать серебряную подвеску и делиться с соседкой догадками о том, как она попала на кухню. Версия о хулиганской выходке вполне устроила Татьяну Егоровну. Та удовлетворенно кивнула и подтвердила:

– Район стал просто ниже всякой критики, там стройка, тут помойка или вообще притон. В соседнем дворе сразу несколько парней одновременно с зоны пришли, начали свои порядки устанавливать. Одна женщина возмутилась, что они на лавочке водку пьют, в карты режутся, всю детскую площадку заплевали, так они к ней на квартиру пришли и нож показали. Что творится, Машенька! Как же ты тут будешь одна?

«Одна я осталась вашими стараниями», – подумала Маша, но вслух ничего не сказала. Любезно улыбнувшись, она опустила наконец занавеску, дав себе слово больше не подходить к окну. От воспоминаний о прошлом романе на нее навалилась тоска, а когда Маша припомнила утреннюю отповедь Андрея, и вовсе пала духом. «Кстати, придет он вечером со стеклом или не стоит ждать? – Ее снова начал волновать насущный вопрос, тем более что она не очень доверяла вдруг установившемуся теплу. – Может, самой побеспокоиться? Или в ЖЭК сбегать? Нет, сегодня воскресенье...»

Хотя Василий, муж Анжелы, давно уже не работал в ЖЭКе, вспомнив об этом учреждении, девушка сразу подумала и о нем. В выходной день он должен быть дома, и теоретически к нему можно обратиться за помощью. Но только теоретически. Маша терпеть не могла мужа подруги, считая его мелким деспотом и самодуром, и ее не трогало даже то, что сам Василий очень ее уважал. «Ему нравится, что ты прилично зарабатываешь, не пьешь, не куришь и почти не красишься, – рассказывала ей Анжела. – В его глазах ты прямо идеал женщины! Если бы я его еще любила, я бы, наверное, ревновала!» Маша содрогалась, слыша о комплиментах, которые отвешивал ей сосед, и всячески избегала принимать его помощь, которую тот при встречах неизменно предлагал. «Я ведь не только электрику могу починить, – хвастался он. – Сантехника, мелкий ремонт, туда-сюда... Как пишут в газетах, “муж на час”! Только намекни!»

Никакой охоты отпрапляться к нему и намекать у Маши не было, тем более, по ее расчетам, Анжела с детьми все еще находилась в гостях у родителей. Василий вряд ли поехал с ними, его отношения с ученой родней жены всегда колебались на грани холодной вражды. Оставалось надеяться, что брат переборет свою гордыню и все-таки привезет к вечеру стекло. «В любом случае нужно купить замазку!»

Если Маша озадачивалась тем, где достать какую-нибудь вещь, она всегда поступала одинаково – а именно шла в народ и спрашивала, порою просто у прохожих. Результаты были неизменно положительные. Она даже перестала удивляться тому, как охотно дают ценные советы незнакомые люди. Так ей удавалось найти большую часть материала для изготовления своих кукол, причем по бросовой цене или вообще даром. «Но вот замазку искать еще не приходилось! Интересно, можно обойтись пластилином?»

Маша сменила свитер на футболку, набросила короткую замшевую куртку, зайдя в ванную комнату, наспех пригладила щеткой взъерошенные волосы. Взяв с зеркальной полочки тюбик с помадой, девушка открыла его и внезапно задумалась, глядя на свое отражение. Она привыкла относиться к своей внешности философски, без особых эмоций, считая, что природа наградила ее вполне достаточно, чтобы прожить без комплексов. Именно поэтому Маша почти не красилась, а если использовала помаду бледных тонов, то исключительно для того, чтобы побороть вредную привычку облизывать губы. Но сейчас она взглянула в зеркало по-другому, впервые увидев себя со стороны.

«Зануда, ханжа и эгоистка?» Девушка вглядывалась в отражение, словно пытаясь его допросить. «Такой меня видит Андрей... А может, он прав, и я давно превратилась в этакое чудище? Для старой девы еще слишком молода, но ведь все старые девы с чего-то начинали!»

Из зеркала на нее серьезно смотрела смуглая кареглазая девушка, остриженная под мальчика, неулыбчивая, одетая без тени кокетства. Маша спросила себя, так ли она выглядела четыре года назад, когда собиралась замуж, и еще больше погрузилась в воспоминания. «Тогда у меня была другая прическа и доверху полная косметичка, и я пыталась носить блузки, юбки и туфли на каблуках, потому что Пашка считал, что мне все это идет и девочка не должна выглядеть, как мальчик. Господи, туфли на каблуках! Кажется, я и правда его любила». Маша попыталась улыбнуться, но на глазах неожиданно выступили слезы. Она отвернулась от зеркала, так и не накрасив губы, вышла в коридор, взяла

вместительную спортивную сумку, куда бросила телефон, кошелек и зонтик. Туда же Маша осторожно уложила коробку с куклой, приготовленной к сдаче в магазин. Кукла ждала этого часа уже давно – девушка намеревалась отвезти ее заказчику на другой день после решающей маминной операции. Сейчас она вспомнила о ней случайно, бросив взгляд на коробку, сиротливо притулившуюся на обувнице, рядом с шарфами и перчатками. «Заодно получу деньги, наверняка что-то продалось! Это будет очень кстати, или сяду на мель...»

Маша еще никогда не жила только для себя и потому не могла даже предположить, на какой срок хватит оставшихся денег. Ей впервые пришло в голову, что теперь не придется столько работать, но она тут же выругала себя за эту мысль. «Что хорошего-то? Обрадовалась... Просто ты уже никому не нужна, вот что это значит! Эгоистка? Нет, Андрюша, что другое, а это – нет! Мне еще придется научиться жить для себя!»

Так, мысленно споря с братом, она заперла квартиру и вышла во двор. На прощание Маша бросила взгляд в сторону разбитого окна и содрогнулась, представив, что может наплести об этом случае Татьяна Егоровна. Скажет: «Ну вот вам, новый притон образовался, уже окна бьют!» Она торопливо свернула за угол дома, опасаясь снова столкнуться с любопытными соседками. Ей повезло – в этот час даже те женщины, которые дни напролет гуляли во дворе с детьми, ушли домой обедать. Девушка быстрым шагом направилась к остановке троллейбуса, надеясь, что по случаю воскресенья он окажется полупустым. Ездить в переполненном транспорте с куклами она не решалась, после того как однажды в давке «погиб» труд целого месяца. Маша до сих пор помнила свое отчаяние при виде раздавленной куклы, печальное выражение ее треснувшего гипсового личика, в котором неожиданно появилось нечто очень человеческое и оттого жуткое. Она сама не могла понять, каким образом сломанная кукла вдруг стала казаться такой одушевленной, но плакала из-за этого происшествия куда дольше, чем если бы просто расстроилась из-за потерянных денег. Как ни удивительно, брат сразу понял ее состояние. «Еще бы не жаль, они же тебе, как дети. Ты в них душу вкладываешь, ночами над ними сидишь, глаза и пальцы портишь... А потом какая-то скотина нажимает локтем, и вот, пожалуйста... – И призадумавшись, добавил: – Ты будешь просто замечательной мамашей!»

Последнее заявление девушка пропустила мимо ушей и задумалась над ним только сейчас, переминаясь с ноги на ногу на троллейбусной остановке. Порвав с бывшим женихом, она перестала строить какие-либо планы на будущее, кроме карьерных. О детях Маша думала в самом деле как о куклах, которые нужно

будет создать... Не сейчас, потом. Лет в тридцать, когда будет свободное время. Она поежилась, оценив степень своей нынешней свободы. Если не считаться с мнением соседок, можно было делать все, что угодно. Завести любовника, родить ребенка, не выходя замуж, никому ни в чем не давать отчета. Даже если бы о ней пошли чудовищные сплетни, близких людей, которых они могли ранить, рядом уже нет. «А сплетни все равно пойдут, неважно, как я буду себя вести. Хоть сиди тише воды, ниже травы, не спасет! Вон, Анжеле засунули в постель уже всю округу, а я-то знаю, что она своему благоверному всего раз изменила, и то, когда это было...»

Подошел троллейбус, к счастью, совершенно пустой. Несколько пассажиров совсем потерялись в длинном двойном салоне. Усевшись, Маша поставила на колени сумку и, с облегчением вздохнув, взглянула в окно. И тут же привстала, заметив подбегающую к остановке Анжелу. Подруга тоже явно видела ее и призывно махала рукой, на которой сверкал браслет. Сыновья Анжелы, блондинистые мальчишки семи и пяти лет, опередили мать и теперь осаждали киоск, тыча пальцами в витрину и рассматривая бутылки с газировкой. Маша махнула в ответ и снова уселась. «Не выпрыгивать же мне на ходу, какая она странная! Пусть до вечера покрасуется с браслетом, ничего страшного. А со стороны он выглядит довольно-таки аляповато... Если бы я не знала, что это за камни, я бы решила, что там кусочки красного пластика...»

Она отвернулась, поправила сползшую с колен сумку и снова задумалась о перспективах, которые открывала ей нынешняя, одинокая жизнь. Мысли были тревожные и одновременно приятные, хотя девушка и боялась себе в этом признаться. «А ведь мне повезло, что этот момент наступил в двадцать семь, а не в сорок семь лет! Тогда было бы слишком поздно на что-то надеяться. А так, кто знает... Может, на моих коленях будут ездить не только куклы!» Она представила себе картину, как таким же ясным воскресным днем катит вместе с маленьким ребенком куда-то в центр, в цирк или в зоопарк, и на сердце у нее потеплело. Правда, мужчину, отца этого будущего ребенка, Маша никак рядом с собой вообразить не могла.

* * *

Магазин, в который она вот уже пять лет сдавала работу, находился в центре, неподалеку от Белорусского вокзала, и рядом с театром, в котором работал Андрей. У нее даже возникла идея заглянуть к брату, чтобы прояснить его

планы на вечер, но подумав, Маша решила не форсировать события. «Лучше посмотрю, как он поведет себя без давления. Хотя, что уж там, пока рядом Зоя, это невозможно. Так и будет разрываться между двух огней, пока не возненавидит одну из нас. И я даже догадываюсь, кого!»

Маша вошла в магазин сувениров, кивнула знакомому пожилому охраннику. Тот приветственно поднял руку:

- А вас тут обыскались! Я слышал, звонили вам, а телефон ни один не отвечает!

- Дела замучили, - коротко ответила девушка.

Она не хотела вдаваться в объяснения, какого рода обстоятельства мешали ей отвечать на звонки. Этот охранник был крайне болтлив и задержал бы ее надолго. Сразу пройдя в служебное помещение, начинавшееся за не приметной дверью без надписи, Маша постучала в кабинет товароведа.

- Вот это кто! - с некоторой претензией протянула полная женщина, снимая очки и закусывая кончик дужки.

Этот жест являлся у нее признаком раздражения, Маша знала его давно и так же давно не боялась. Ее куклы здесь нравились, пользовались успехом у покупателей, а значит, она могла себе позволить небольшую оплошность. Поздоровавшись, Маша расстегнула сумку и поставила на стол коробку. Товаровед едва взглянула под приоткрытую крышку, продолжая с нарастающим раздражением:

- Так, знаешь, не делают, не пропадают! В чем проблема-то, Маш? Я тебе звоню-звоню, мобильный не берешь, домашний не отвечает... Я, как дура, людям наобещала с три короба, держала заказ до последнего, только сегодня утром отзвонила им и отказалась. Они теперь на меня в претензии, получается, я им головы морочила!

- Анна Петровна, я...

- У моих знакомых свадьба, хотели заказать двух эксклюзивных кукол, жениха и невесту, с портретным сходством. - Порывшись в ящиках стола, женщина

бросила перед девушкой две фотографии, сколотые скрепкой. – Сама понимаешь, сколько денег оно стоит, хорошо бы заработала, а то ковыряешься все... Этих вот мадмуазелей, – она постучала согнутым пальцем по коробке с куклой, – у меня тут целые полки, смотреть противно. А те, что ты к выставкам сооружаешь, так то ли тебе за них заплатят, то ли ты заплатишь, чтобы их в каталог поместили... Не так?

Маша не отвечала. Сперва она собиралась перебить Анну Петровну и объяснить ей причину своего временного исчезновения. Та была доброй, хотя и несколько сварливой особой, и девушка не сомневалась – стоит произнести простые и вместе с тем жуткие слова: «У меня умерла мама!» – как Анна Петровна мгновенно сменит тон, примется ее утешать, а то и всплакнет за компанию. Но, чем дольше она слушала гневную отповедь, тем меньше ей хотелось оправдываться, да еще таким способом.

Вместо этого девушка поступила совершенно неожиданным для себя образом. Взяв со стола коробку, она плотно закрыла крышку и снова погрузила ее в сумку. Анна Петровна наблюдала за ее действиями с изумлением, которое тут же выразилось в возмущенном возгласе:

– Это как же понимать?! Обиделась?! Это я должна, кажется...

– Нет-нет, – перебила ее Маша, повесив сумку на плечо и стараясь говорить спокойно и рассудительно, хотя содрогалась от обиды. – Просто у вас сейчас действительно много таких кукол. Я обратила внимание, когда зашла. Эту я лучше отвезу в другое место.

Товаровед не сразу нашлась с ответом, настолько ее потрясла реакция девушки. Когда женщина заговорила, ее голос заметно сел, и виной тому была не сигарета, которую она только что прикурила:

– Как хочешь, как знаешь... Да, тебе следует кое-что получить, как раз и деньги найдутся. Что же ты, куда ее повезешь?

– Да хоть на ВВЦ, в павильон подарков, – уклончиво ответила Маша. На самом деле «другое место», которое она так решительно упомянула, никакого конкретного адреса не имело. Она просто вдруг поняла, что предпочла бы, чтобы с нею разговаривали иначе. Анна Петровна всегда держалась с Машей как

с несмышленной девочкой, какой та действительно могла показаться, когда явилась в этот магазин впервые, несколько лет назад, робко предлагая своих кукол.

– Смотри, чтобы не обманули, – наставительно заметила товаровед, вынимая из ящика стола пухлый бумажник чудовищных размеров.

Маше он был очень хорошо знаком, именно оттуда по большей части появлялись деньги, которыми она поддерживала семейный бюджет. Отсчитав несколько купюр, женщина протянула их Маше:

– За остальным приходи в конце месяца, надеюсь, дела наладятся. Сейчас что-то совсем как на кладбище. Праздники далеко, туристы как передохли все. Если что-то интересное придумаешь, приноси, покажи... А что у тебя все-таки случилось?

– По мне видно? – Остановившись в дверях, девушка безуспешно дергала заевшую «молнию» на кармане куртки, куда спрятала деньги.

Анна Петровна, нахмурившись, вышла из-за стола и приблизилась к гостье. Пытливо заглянув ей в лицо, она покачала головой:

– Слепой не заметит...

– У меня новая жизнь начинается, – неожиданно призналась Маша. – Так что я сегодня не в себе, и вы тоже на меня не обижайтесь.

Женщина проводила ее до выхода из магазина, из чего можно было сделать вывод, что она вовсе не сердится, а сгорает от любопытства. Маша, однако, ничего ей не рассказала и похвалила себя за выдержку, закрыв тяжелую стеклянную дверь. Анна Петровна не знала о болезни Машинной матери, и девушка решила, что рассказывать о смерти и похоронах давно не стоит.

«Получится, будто снисхождения какого-то прошу... Если б я еще кукол ей не продавала... Ладно, характер проявила, огрызнулась, и куда теперь деваться с этой барышней?!»

По опыту она знала, что найти новый источник сбыта не так-то легко, даже в огромном городе, где можно продать что угодно кому угодно, тем более такой товар, как авторская кукла. О ВВЦ она упомянула потому, что несколько раз ей удалось отдать туда товар на реализацию, но воспоминания были малоприятные. Из трех кукол проданась только одна, а остальные две потерялись при переезде магазина в другой павильон. Ущерб Маше так никто и не возместил, взамен этого она получила заявление, что пропало еще немало дорогого товара, и приглашение сотрудничать дальше. Разумеется, она предпочла держаться тихой, надежной гавани, то есть магазина Анны Петровны, от которого нельзя было ждать больших оборотов, но который давал стабильный ежемесячный доход.

«Что правда, то правда, сейчас, в начале октября, для кукол не сезон. Это к Новому году, к Дню святого Валентина, спасибо ему, к Восьмому марта начнется ажиотаж. А до тех пор хоть не работай!» Трудность сбыта заключалась еще в том, что авторские куклы были сравнительно дороги, в отличие от миллионов китайских красавиц, заполнивших крупные магазины. Их могли покупать разве что коллекционеры, а их круг весьма ограничен, и надеяться на слепую удачу тут не стоило. «Девчонки на выставках рассказывали, как приобретали клиентуру, послушать, прямо голливудская сказка! Одна зашла в цветочный магазин и предложила выставить кукол рядом с букетами, другая отправилась прямо в ЗАГС, договорилась с заведующей о проценте с продаж и принялась ваять женихов и невест. То, что мне предлагала Анна Петровна! Что и говорить, я хороший заработок упустила... Только как-то не верится, что это можно поставить на поток. Не все оценят, чтобы такие деньги платить! Одно дело белый лимузин заказать, живую музыку или такой громадный торт, чтоб гостей потом еще год тошнило... А куклы, что куклы? Кто их там будет разглядывать на свадьбе, когда все напьются? Нет, наверное, все они наврали про свои замечательные методы сбыта, бегают так же, как я, с коробками по магазинам, пресмыкаются перед товароведом... И боятся осени, когда ничего не покупается».

Задумавшись, она брела, куда глаза глядят, незаметно двигаясь в сторону Тверской. Прохожих по случаю воскресного дня было немного. Маше невольно вспоминались давние воскресные прогулки с отцом. Освобождая жене квартиру для уборки, тот брал детей и увозил их в центр. Это была настолько устоявшаяся традиция, что Маше никогда не приходил в голову вопрос – почему мама не едет с ними развлекаться? Как-то само собой подразумевалось, что та останется одна, и к их возвращению маленькая квартирка на первом этаже будет сиять чистотой, а из кухни потянутся запахи настоящего воскресного обеда – супа,

жаркого и сладкого пирога. Тогда Маша воспринимала мать, как добрую домашнюю волшебницу, и брать ее с собой на прогулку было бы попросту нелепо – кто же в таком случае будет творить чудеса в их отсутствие? Они с отцом гуляли по бульварам, ели мороженое, заходили во все музеи подряд, причем впечатления могли остаться совершенно неожиданные – от очень тоскливых до феерических. Андрей всем музеям на свете предпочитал поход в кино, Маша обожала парки аттракционов или, на худой конец, цирк, но эти развлечения перепали детям редко. Отец был одержим прямо-таки маниакальным стремлением привить отпрыскам любовь к изящному, и те, хоть со скрежетом зубным, начали разбираться в стилях и направлениях искусства.

«Если бы не отец, кто знает, что бы из нас с Андреем получилось?» – раздумывала Маша, плетясь по пустынной улице. Сумка начала ей мешать, и девушка с досадой перебрасывала ее с одного плеча на другое, забыв об осторожности, с которой везла куклу в троллейбусе. «Может, жили бы совсем иначе, веселее, счастливее! Андрей в театре работает не по призванию, а потому, что его образование к тому обязывает, а образование декоратора опять же следствие посещения всех этих музеев... Как и мои куклы! Всегда, вернувшись домой, я уединялась и фантазировала на тему прекрасных дам, которых видела в галереях. Сперва просто воображала себя героиней каких-то сказок, потом принялась делать кукол, чтобы было наглядней. Папа заметил, что у меня неплохо получается, стал приносить мне книжки про декоративно-прикладное искусство, поставлять материал... А когда он от нас ушел, мне было четырнадцать, я уже участвовала в выставках, получала призы. А когда заработала первые деньги за проданную куклу, это перестало быть игрой. Господи Боже, почему он нас в цирк не водил, как мне хотелось?! Была бы сейчас нормальным менеджером среднего звена, служила бы в обычной крупной компании, интриговала против коллег, крутила роман с парнем из соседнего отдела, и жизнь была бы заполнена до отказа! Так и не заметишь, как проживешь ее всю, только “оп!” успеешь сказать напоследок... А сейчас я кто? Никому не нужная, необразованная, безработная девица, с никому не нужной куклой подмышкой. Отец давно ушел к другой женщине, Андрей собирается жениться, мама больше во мне не нуждается... Сегодня у меня хоть какие-то дела нашлись, чтобы не сойти с ума от одиночества! Куклу пристроить, окно починить, с Анжелой увидеться... А завтра? А через неделю? Почему, ну почему я не умею жить ради себя одной?! Чем мне этот день заполнить?!»

– Не в музей же идти, в самом деле, – мрачно заметила Маша вслух, подцепив носком кеды пустую пивную банку и пиная ее к переполненной урне. – И в цирк уже не тянет. Девочка выросла!

– Это да, есть вещи, которые надо делать только в детском возрасте. Например, читать Дюма, – согласился с ней голос, раздавшийся прямо за ее спиной.

То, что он сказал, полностью отвечало ее мыслям. Маша не сразу сообразила, что прозвучал этот мужской голос не в ее воображении. А когда поняла, оглянулась – скорее, удивленно, чем испуганно.

– Или ходить в цирк. – Остановившись, мужчина спокойно раскурил сигарету и помахал ею в воздухе, рисуя дымом сложную фигуру. – Хотя идея отличная!

– Вы со мной разговариваете? – уточнила Маша, вглядываясь в лицо незнакомца. Нет, она никогда прежде его не встречала, в этом она была уверена.

– В общем, да, – словно сомневаясь в собственных словах, ответил тот. – Просто шел за вами, пытался обогнать. А вы вдруг заговорили... Ну, я и ответил. Тоже проблема досуга. Неожиданно куча времени образовалась, а пойти некуда!

– Понятно, – неопределенно ответила девушка и двинулась дальше, держась ближе к стене дома, чтобы освободить место рядом с собой, и медленным шагом, чтобы у незнакомца не создалось впечатления, что Маша сбегает. Он ей неожиданно понравился, и, внутренне сжавшись, девушка торопливо решала вопрос – насколько? «Если пригласит куда-нибудь в кафе, пойду, если телефон попросит, дам, но ни ко мне, ни к нему домой не поеду, нет, нет, с какого горя!»

– В кабак тащиться неохота. – Мужчина пошел рядом с ней, держась так близко, что иногда касался Машинной руки локтем. – Без компании тоскливо, в кино ерунда идет, других идей нет... Вы вот подсказали – музей, цирк... А что, давайте сойдемся на театре? Не понравится пьеса, отсидимся в буфете!

Маша помедлила с ответом, бросив на своего спутника оценивающий взгляд. Тот встретил его с улыбкой, которая пряталась в его прищуренных глазах и вздрагивающих уголках рта. На вид ему было лет тридцать пять. Среднего роста, плотного сложения, темноволосый – сходить в парикмахерскую, заметила девушка, ему стоило пару месяцев назад. Сильно отросшие волосы спускались на воротник потертой кожаной куртки и придавали его облику нечто небрежное, артистическое. В небольших, близко посаженных к переносице серых глазах плясали искорки смеха, и Маша невольно заулыбалась в ответ, неопределенно и

слегка смущенно.

– А вон как раз театральный киоск, что у нас там?

Не дав ей опомниться, мужчина легонько подхватил ее под локоть и повел в нужном направлении. Они уже вышли из переулочка и оказались на Тверской. Прохожих заметно прибавилось, отоспавшийся город встряхивался, готовясь к вечерним развлечениям. Остановившись у киоска с театральными афишками, незнакомец задал кассирше несколько беглых вопросов и выпрямился, уже держа в руке билеты. За все это время Маша не произнесла ни слова и, только когда ее спутник назвал театр и пьесу, иронически поинтересовалась:

– А почему вы решили, что я с вами пойду в театр?

– Потому, что я вас не на подпольные собачьи бои зову и не в стрип-клуб! – немедленно ответил тот. – В чем крамола-то? Кстати, я не представился, меня Илья зовут.

– Меня Маша, – созналась девушка. – Хорошо, пусть будет театр.

– Что вас переубедило? – поинтересовался кавалер, пряча билеты в карман куртки. – Мои хорошие манеры?

– Нет, – твердо ответила она. – То, что вы знаете слово «крамола». И в конце концов, вы правы, в театр можно пойти даже с незнакомым человеком.

– Ой, как с вами все будет непросто... – протянул Илья, глядя куда-то поверх Машиной головы. – А знаете, мне это нравится. Не люблю слишком простых девушек.

«И чем же это ты занимаешься, Машенька? – раздался у нее в голове знакомый голос, очень похожий на мамин. – Воскресным вечером, на Тверской, с незнакомым мужчиной? А только вчера тебя бесило, что Андрей не надышится на Зою... А ведь она его невеста, они вместе уже год, а этого мужика ты видишь впервые!»

– Может, будем на «ты»? – предложил Илья, напрасно прождав Машиного ответа. – Или рановато?

– Лучше на «ты», – согласилась она, очнувшись от своих тревожных мыслей. – Когда начало?

– В семь. Успеем где-нибудь поужинать! Правда, полагается идти в ресторан после спектакля, но я просто не доживу... Есть хочется зверски!

Все это было сказано самым естественным тоном и сопровождалось такой доверительной улыбкой, что девушка не стала возражать своему новому приятелю. Илья снова подхватил ее под локоть и повлек в переулок, туда, где виднелись вывески нескольких ресторанов.

– Куда-нибудь да пристроимся! – оптимистично заявил он. – Представляешь, как-то я пытался попасть в ресторан три часа подряд, и ничего не вышло! Воскресный вечер, все заказано и расписано... Кончилось дело «Макдоналдсом».

Однако на этот раз им повезло больше. С первой же попытки они попали в итальянский ресторан, более того, официант, с которым пошептался Илья, проводил их во внутренний дворик, увитый плющом и виноградом. Там, среди белых тентов и шелковых полосатых занавесей, помещалось всего несколько столиков, и с одного из них официант снял табличку «заказано». Маша уселась в удобное полукресло и с удовольствием огляделась. Илья тем временем впился взглядом в меню. Опомившись и охнув, он протянул папку своей спутнице:

– Выбирай, я подтянусь. Мне, в общем, все равно, что есть, лишь бы есть.

– А я, когда попадаю к итальянцам, хочу все подряд, – призналась девушка, пробегая взглядом строчки меню. Цены были выше тех, к которым она привыкла, но не настолько, чтобы начать чувствовать себя чем-то обязанной. Сделав выбор, она передала меню Илье.

Тот покачал головой:

– Мне все то же самое. Полагаюсь на твой вкус.

И Маша сама не поняла, отчего ей было так приятно это услышать. Сделав заказ, Илья потребовал принести бутылку вина и немедленно поднял бокал:

– Давай за знакомство! Слушай, я страшно рад, что тебя встретил! Нет-нет, правда!

– А что, я верю, – улыбнулась она, отпивая глоток терпкого вина. – Сразу в театр, в ресторан... Знаешь, хочу тебя предупредить...

И запнулась, не зная, в какие слова облечь свое нежелание заканчивать вечер в постели. Илья поднял обе руки и повернул их ладонями вперед, будто сдаваясь:

– Бога ради, замолчи или потом пожалеешь!

– Пожалее?!

– Не надо ничего планировать и обсуждать не надо! – Он поморщился, словно попробовал чего-то еще более кислого, чем итальянское вино. – Это все такая чепуха! Вот мы сидим в приятном месте, вечер прямо майский, музыка играет, сейчас нам еду принесут... Чего ты все усложняешь?!

– В самом деле, – сдалась Маша, покачав головой. – Глупо. Просто я не хотела обманывать твоих ожиданий... Ведь ты еще успеешь познакомиться с другой девушкой...

– С девушкой, которая на все согласна, я успею познакомиться быстрее, чем ты думаешь. – Илья закурил, расслабленно откидываясь на спинку кресла. – Ох, устал... Весь день над бумажками просидел, аж глаза заболели. Я, Маш, легкой добычи не искал, так что предупреждать меня ни о чем не надо. Если бы мне нужна была женщина для секса, я бы уже был в постели.

– А... я тебе нужна для компании? – слегка уязвленно осведомилась она. – Поужинать и сходить в театр, на Ибсена?

– Маш, повторяю, у меня была проблема досуга, а не проблема секса! – Теперь он открыто смеялся, разглядывая ее смущенное лицо. – И между прочим, познакомиться с девушкой, которую можно сводить на Ибсена, не так легко.

Представь, недавно я пригласил в театр одну барышню, она мне нравилась, и, в общем, я планировал более тесные отношения. А она принялась отпускать там такие идиотские замечания, что я ее отвез домой, чмокнул в щечку, и все. Желание пропало.

– Это хорошо, – задумчиво проговорила Маша, слегка отстраняясь, чтобы дать официанту расставить на столе принесенные тарелки. И опомнившись, пояснила: – Хорошо, что ты разделяешь эти две проблемы, досуга и секса. Я не люблю, когда их путают.

– Давай есть! – заговорщицким шепотом предложил Илья, хватая вилку и сразу принимаясь за спагетти.

Салат, тщательно выбранный девушкой, Илья проигнорировал. Вилку он держал по-крестьянски, зажав черенок в кулаке, ел жадно, не стесняясь своего аппетита. В первую минуту все это слегка шокировало Машу, во вторую – внезапно начало нравиться. Теперь ей казалось, что настоящий мужчина только так и должен есть – торопливо и алчно.

Ее и саму одолевал голод. Напряжение последних дней спадало, Маша начинала вспоминать, что такое простые удовольствия, которых она давно была лишена. Например, вкусный ужин в компании нового интересного знакомого, поход в модный театр на хорошую пьесу, а также перспектива, о которой она старалась не думать, но все-таки думала, украдкой рассматривая Илью. «У него нос был сломан, и одна бровь чуть выше другой. Тоже после травмы, наверное. Бывший боксер? Ничуть не похож. Просто драчун? С виду такой спокойный, веселый. Ну, мало ли, может, это случилось давно, лет-то ему... Тридцать пять? Немного больше? Как он держит вилку, боже мой! Как сапер лопатку! Спасибо хоть не чавкает и еду обратно в тарелку не роняет. Этого бы я не вынесла!»

Внезапно Илья, не отрывая глаз от тарелки, проговорил:

– Если не перестанешь меня так разглядывать, я подавлюсь.

– Извини. Я задумалась. – Маша принялась за салат.

– Мне нравится, что ты все время задумываешься. – Илья подлил вина и подмигнул девушке, приглашая ее поднять бокал. – Давай выпьем за тебя.

– Спасибо. – Этот бокал она выпила до дна – больше из суеверия, чем из желания быстрее опьянеть. Маше начинало казаться, что удача поворачивается к ней лицом. Это было лицо первого встречного, незнакомца, не слишком правильное, на чей-то взгляд попросту некрасивое, но в его улыбке столько лукавства и обаяния, что девушка чувствовала себя так, будто на нее упал луч солнца. «Ты влюбляешься, – сказала она себе, – страшными темпами влюбляешься непонятно в кого. Может, он даже имени настоящего не назвал. Тебе сейчас плохо, ты осталась совсем одна, и конечно, он кажется настоящим подарком судьбы. Будь осторожна, очень осторожна!»

– Я знаю, что ем ужасно. – Осушив бокал и отодвинув опустевшую тарелку, Илья вытащил из пачки очередную сигарету. – Ничего не поделаешь, в детстве не научился, теперь переучиваться поздно. Да я в дипломаты не собираюсь.

– А я ничего и не говорю, – осторожно заметила Маша.

– Да видел я, какие ты взгляды кидала. – Илья выпустил струю дыма и насмешливо улыбнулся, кивая на вилку, с помощью которой девушка ела салат. – Хотя тебе ли придирааться? Ты, я вижу, вообще левша.

Смутившись, Маша невольно положила вилку и тут же схватила ее снова:

– Вообще-то это нож держат в правой руке. Как ты догадался, что я левша?

– Ты все берешь левой рукой – бокал, салфетку, хлеб. Меню листала левой и в сумке рылась тоже ею. Видишь, я наблюдательный.

Девушка только пожала плечами. Она не знала, льстит ей такое пристальное внимание или нет. Илья смотрел на нее, сощурившись, и улыбался, пуская клубы дыма. Закурив новую сигарету от окурка, он добавил:

– Вообще я многое уже мог бы о тебе рассказать, только, наверное, ты обидишься.

– Почему? Это интересно! – Спагетти, за которые принялась было Маша, внезапно потеряло вкус. Она почувствовала себя неудобно, но все-таки принужденно улыбнулась в ответ: – Ты очень в себе уверен, да? А я думаю, во

многим ошибешься!

– Ты не замужем. – Илья откинулся на спинку кресла и почти закрыл глаза, будто впадая в некий транс. – Ребенка у тебя нет. Ты, в общем, сама еще не очень-то выросла. Тебе лет двадцать шесть – двадцать восемь, очень одинока. Хотя считаешь себя умной и самостоятельной, на самом деле многого не понимаешь и всего боишься. Себя мало ценишь, думаю, часто позволяешь себя использовать людям, которые твоего мизинца не стоят. Ты...

– Хватит!..

Маша осеклась, услышав, как резко, даже истерично прозвучал ее голос. Однако Илья продолжал улыбаться и лишь слегка приподнял веки, наблюдая за ней. «Я веду себя, как полная дура! – пронеслось у нее в голове. – Решила обидеться?! Радуйся, что с тобой вообще еще мужчины разговаривают, если у тебя на лице такое написано!»

– Я не рассчитывала на такой подробный анализ, – проговорила она, торопливо беря вновь наполненный бокал с вином. – Не буду ничего комментировать.

– И не надо. – Илья сел прямее и протянул ей свой бокал: – Давай выпьем за наши желания. Каждый за свое.

Маша выпила молча и никакого желания загадывать не стала. Она боролась с глухим раздражением, которое осталось у нее после импровизированного сеанса физиогномики, и злилась на себя за то, что не может посмотреть на нового знакомого прежним взглядом. Он уже не казался ей обаятельным, она насторожилась и внутренне собралась, готовясь к новой провокации. Илья, почувствовав перемену в ее настроении, тоже посерьезнел. Подошедшему официанту он велел принести десерт и кофе, а когда тот удалился, вопросительно взглянул на девушку:

– Сильно настроение испортил?

– Скорее, озадачил. – Она все еще держалась натянуто, не в силах скрыть обиды. – Ты кто такой, интересно? На психолога не похож, на экстрасенса тоже. В паспорт мой не заглядывал, по ладони не читал. А в принципе многое угадал!

– Ну, так у меня какой огромный опыт! – загадочно проговорил тот.

И когда девушка удивленно подняла брови, невозмутимо пояснил:

– Понимаешь, я каждое воскресенье приезжаю в центр, выслеживаю одинокую симпатичную девушку, веду ее в ресторан, потом в театр, потом... Сюжет в криминальных новостях. А биографии и характеры, в общем, у всех моих жертв одинаковые.

– Что? – еле слышно переспросила Маша. Внутри у нее что-то оборвалось.

В следующий миг Илья расхохотался, толкнув стол так, что зазвенела посуда, и, тыча в девушку пальцем, с трудом проговорил:

– Поверила! Боже, тебе можно втереть, что угодно!

– Не шути так, – попросила она, хотя ее и саму начинал разбирать нервный смех. – А то испугаюсь и убегу!

– Ты не убежишь. – Все еще смеясь, Илья вытирал выступившие слезы краем салфетки. – В том-то и дело, что не убежишь. Тебе нравится бояться. Я это сразу понял.

Глава 4

Только в театре, когда погасили свет в зале, Маша вспомнила о разбитом стекле, замазке и брате, который собирался приехать к ней после работы. Теперь все это оказалось так далеко и неважно, что она не испытала ни малейших угрызений совести. «Если Андрей обидится... Что ж, я тоже имела право обидеться! Нечего устраивать разборки в подъезде, при свидетелях!»

Шла «Нора» Ибсена, пьеса, которую Маша и читала когда-то, и уже видела в другой, классической постановке. К ее огорчению, сейчас они попали на модернистский спектакль, больше похожий на утренник в доме умалишенных. Девушка бывала в театрах довольно часто, в основном стараниями брата,

который вообще не мыслил своего существования в мире без кулис и декораций. Подобные постановки она перевидала уже в таком количестве, что совсем перестала их воспринимать. Вот и теперь она быстро отвлеклась от происходящего на сцене, поднимая взгляд лишь иногда, если шум и беготня актеров усиливались. «Андрея надо сюда послать, пусть посмотрит костюмы. Вон у Норы какая конструкция на заднице, прямо страшно. Человек-стул. Наверное, такой турнюр килограммов десять весит. Илья, кажется, смотрит... В антракте позвоню Андрею, скажу, чтобы приехал завтра. Или уж совсем не унижаться?» Мобильный телефон у нее был отключен уже с середины дня, Маша сделала это автоматически, потому что в это время обыкновенно занималась матерью в палате, а там звонки могли кого-то побеспокоить. Она бросила косой взгляд на своего спутника. Тот, казалось, был поглощен сценическим действием, однако мгновенно повернул голову и заговорщицки улыбнулся девушке. Та ответила загадочным взглядом и сделала вид, что тоже смотрит на сцену. «Погоди, я тебе еще отомщу за глупую критику в кафе! Вот приберу поближе к рукам и отомщу, когда ожидать не будешь! Тоже мне, прорицатель, я так тоже могу! Пожалуйста – он из самой простой семьи, хорошим манерам за столом его не учили. Однако довольно образован, судя по речи. Наверняка это его собственная заслуга. Холост или разведен... Или женат?!» С последним пунктом Маша сильно затруднилась. Кольца у Ильи она не заметила, но это совершенно ни о чем не говорило. Зато ей бросилось в глаза то, чего она не разглядела даже в ресторане, где руки мужчины все время были на виду. На правой руке, у основания большого пальца, виднелась маленькая татуировка, размером с рублевую монету. Схематичный рисунок, похожий на египетский иероглиф, изображал птичку с червячком в длинном клюве. Потом ее взгляд скользнул вверх, по рукаву голубой рубашки, по широкому плечу, по воротнику, на который спускались отросшие темные волосы... И она снова встретилась взглядом с Ильей. На этот раз он наклонился и еле слышно шепнул, точнее, вдунул девушке в ухо:

– Выйдем?

– Давай! – Она первая встала и принялась пробираться к проходу. Илья теснился следом, страшным шепотом извиняясь перед потревоженными соседями.

Откинув грузные бархатные портьеры, они вышли в пустое прохладное фойе. Мужчина с заметным облегчением перевел дух:

– Прости меня, Господи, но в театр стоит ходить ради таких вот моментов... Знаешь, я страшно люблю удрать из зала и засесть в буфете, слушать, как там, далеко, шумят, хлопают... Конечно, театрал я тот еще!

– Ну, иногда я все же досиживаю до конца... – призналась Маша. – Но это не тот случай.

– Не нравится постановка?

– Я на таких спектаклях начинаю думать о чем-то своем, а зачем тогда вообще ходить в театр? Подумать о своих проблемах я и дома могу.

Они прошли мимо стайки капельдинерш, неодобрительно проводивших их цепкими взглядами, и спустились в буфет, где Илья немедленно заказал шампанского и жадно закурил. Маша с сомнением посмотрела на запотевший бокал:

– Я не буду и так перебрала в кафе. Не понимаю, зачем столько там выпила!

– Тебе надо было расслабиться, – проницательно заметил Илья, поднимая бокал. – Ладно. Пью за искусство. Пусть процветает. А ты ведь сама человек искусства. Я верно угадал? На этот раз не обидишься?

Маша только хохотнула, не отрывая глаз от шоколадки, которую ломала на части. Однако, когда она заговорила, ее голос зазвучал неожиданно печально. Она не ожидала, что ее посетит охота откровенничать, но слова вырывались будто сами собой.

– Да нет, какое там искусство... – отрывисто произносила она, отламывая очередной кусок шоколада. – Так, ремесло. Около того. Хотела стать декоратором, не вышло, вот, делаю кукол... Какие-то даже призы, дипломы получаю. Чепуха, если честно. Я к этому серьезно не отношусь.

– Куклы – это же здорово! – очень серьезно возразил Илья. – Постой, сейчас угадаю, что у тебя в сумке... Коробка с куклой? Покажешь?

– Могу вообще подарить, – великодушно заявила девушка, сразу приободрившись. Ее порадовала сама мысль, что она может каким-то образом поблагодарить этого незнакомого человека за ужин и поход в театр. И Маша не без лукавства добавила: – Принесешь дочке, она обрадуется!

– К сожалению, дочки нету, – ничуть не смутившись, ответил тот. – Сын есть. Да он уже взрослый, пятнадцать лет парню. Его уже живые куклы интересуют.

– Одну такую я знаю, – машинально проговорила девушка и тут же опомнилась, рассматривая измазанные растаявшим шоколадом пальцы: – Вот свинья-то!

Поставив на стол сумку, она расстегнула ее и принялась рыться в поисках носового платка. Как ни странно, он отыскался. Доставая его, Маша нечаянно вытряхнула на столешницу коралловый брелок – уходя из дому, она взяла его с собой, скорее, по инерции, не желая расставаться с этой загадкой, чем из страха, что квартиру ограбят.

– Ишь, какой нарядный! – Илья мгновенно протянул руку и подцепил брелок прежде, чем девушка успела что-то возразить.

Маша только пожала плечами, оттирая от шоколада пальцы:

– Вещь на любителя.

– Серебро, кораллы... Настоящие причем. – Перевернув брелок, Илья бегло осмотрел изнаночную сторону коралловых пластин. – На Востоке сделано. Они этот материал любят. Смотри, как с камушком уважительно обошлись... Но и кораллы очень крупные. Отличная штучка!

– А ты ювелир?! – обрадовалась Маша.

У нее мелькнула мысль, что ничего удачнее представить себе было бы нельзя. Маша всегда мечтала завести роман с человеком в такой же степени творческим, как она сама. «Только не с актером и не с поэтом!» Ювелир в самый раз – хоть и прикладное, но все-таки искусство. Однако Илья с лукавой улыбкой вернул ей подвеску:

– Увы, увы... Немножко разбираюсь, и все.

– А в чем ты еще разбираешься? – Подавив разочарованный вздох, Маша спрятала подвеску и платок в сумку. – Кроме как в одиноких девушках? Кстати, почему ты в воскресный день шатаешься в поисках приключений? У тебя ведь семья? Может, лучше повел бы в театр сына?

– Я бы повел, да он с матерью живет в Израиле, – все еще улыбаясь, ответил Илья. – Мы уже десять лет не виделись.

– Десять? – вырвалось у девушки.

– Это не очень хорошо меня характеризует, правда? – кивнул он. – Я тебе больше скажу, мы с ним и по телефону не общаемся. Сперва жена была против, потом он подрос... Имеет, наверное, свое мнение обо мне. Короче, если что-то изменится, то не сейчас. Может, когда у него у самого будут дети.

– Вы так ужасно поссорились с женой? – Маша даже не испытала радости от того, что узнала наконец семейное положение своего кавалера. Она ему искренне сочувствовала, видя, как меркнет забытая на его губах улыбка. – Она-то что думает? Зачем ребенка настраивать против отца? Что бы у вас там ни было...

– А она, в общем, права, – неожиданно перебил Илья, залпом допив шампанское. – Я бы на ее месте тоже не простил. Понимаешь, она накрыла меня в постели с любовницей... Да еще у нас дома. Ну, Лилька подала на развод, забрала ребенка и уехала в Израиль к родителям. Те еще и счастливы были.

– Что, из-за... Так сразу и уехала? – Маша была ошеломлена таким потоком откровений.

Мужчина иронично сощурился:

– Крутовато, да? Вот и мне тогда показалось, что она просто искала повод развестись. В том же году вышла замуж – за того, кого ей папа-мама подыскали. Живет отлично, у мужа сеть ресторанов. Это я уже стороной узнал, от третьих лиц. Я там, у них, персона вне закона. Подлец последней марки.

– Значит, она точно ждала повода! – решительно заявила Маша. – Если бы не это, простила бы.

– А ты бы простила?

– Я в таких ситуациях не бывала, – уклончиво ответила девушка. – Разве можно знать заранее...

– Что я тебе наговорил! – Илья отодвинул пустой бокал, взглянул на часы и закурил. – Теперь будешь считать меня бабником. Сейчас начнется антракт, предлагаю уйти. Что-то нет настроения тереться в толпе.

Оказавшись на улице, Маша в очередной раз вспомнила о том, что не позвонила брату... И тут же снова забыла. Она испытывала огромное облегчение оттого, что ей не приходилось больше бесконечно терзаться мыслями об Андрее: «Кажется, я начинаю понимать, что значит – жить для себя». Девушка вдыхала прохладный вечерний воздух, слабо пахнувший гарью и духами. Так же пахла Москва в те далекие воскресные вечера, когда отец уводил детей на прогулки в центр. Машин за эти годы стало намного больше, но сквозь выхлопные газы все равно пробивался этот запах, тревожащий и интимный, очень человеческий. «Когда я чувствую его, кажется, вот-вот случится что-то прекрасное. Никогда не случалось, и ждать вроде нечего, а мне все равно становится страшно и хорошо. Какая же я романтичная дура!»

– Сейчас поймем машину и поедem к тебе, – сообщил ей вернувшийся Илья.

Он отходил в сторону переговорить по телефону. Маша пыталась прислушаться, но уловила лишь самые дежурные, ни о чем не говорящие фразы. Она даже не поняла, говорил Илья с мужчиной или с женщиной.

– А дальше? – спросила она, невольно переходя на вызывающий тон. – Почему ты все уже решил за меня?

– Я пока решил тебя проводить, потому что поздно и далеко, – отрезал тот. – А твое многозначительное «дальше» просто смешно. Не захочешь – ничего не будет.

– Ничего и не будет! – в свою очередь резко ответила Маша. – Невероятно, какое самомнение!

Илья не ответил и, отойдя к бордюру тротуара, в минуту поймал машину. Усевшись на заднее сиденье, Маша по привычке поставила сумку на колени. Илья сел рядом. Девушка назвала адрес и, отвернувшись к окну, сделала вид, что поглощена созерцанием улицы. Ее спутник сидел молча и так неподвижно, что в какой-то момент ей почудилось, будто рядом никого нет. Покосившись на Илью, Маша обнаружила, что он тоже смотрит в окно. Руки он скрестил на груди, и татуированная птичка оказалась совсем близко от Машиных глаз. Она хотела было спросить, что означает эта татуировка, но не решилась нарушить молчание. Ей показалось, что Илья обиделся. «Я веду себя, как настоящая старая дева! Он симпатичный мужик, веселый, нежадный... Женщины на таких вешаются, он сам сказал, проблем с этим нет. Если он сидит сейчас рядом со мной, это что-то вроде приза, подарка судьбы! Последний раз со мной флиртовал практикант из маминой больницы. Звал выпить пива в баре за углом... Даже обручального кольца не снял, бледная немочь... Мне казалось, такие как Илья только с красавицами встречаются, а оказалось, у меня тоже есть шанс... Так что я делаю, спрашивается?! Зачем ему хамлю?!»

Наконец Илья нарушил молчание, но только затем, чтобы красочно поведать таксисту, как этим утром его машину увез эвакуатор и что он по этому поводу думает. Маша прислушивалась, но в разговоре не участвовала, неожиданно ощутив себя третьей лишней на этом пиру мужской солидарности.

* * *

Когда машина въехала во двор, давно уже стемнело, и оттого Маша сразу заметила, что в ее квартире освещены все окна. Она невольно подалась ближе к Илье, пытаясь рассмотреть, вставлено ли стекло в окне на кухне. Тот, поймав ее встревоженный взгляд, немедленно спросил:

– Что не так?

– У меня в квартире кто-то есть... – пробормотала Маша и тут же пояснила: – Брат приехал стекло вставлять. Ночью кто-то кирпичом разбил.

- Кто-то? - переспросил он. - То есть ты никого конкретного не подозреваешь?

- Подозревала бы, не ходила бы по театрам и ресторанам, - усмехнулась девушка. - Разбиралась бы с этим кем-то. Да это просто пьяный прохожий.

Ей вспомнилась коралловая подвеска с ключиком, но Маша предпочла умолчать о своей версии случившегося прошлой ночью. Ее больше занимало то, как она будет объясняться с братом. «Опять получается, что он отзывчивый, порядочный человек, хозяин своего слова. А я где-то шляюсь в поисках приключений!» Девушка с надеждой взглянула на Илью, расплачивавшегося с таксистом:

- Проводишь меня?

Она надеялась, что при нем Андрей не станет начинать новый скандал. Маша решила, что совсем необязательно сообщать брату, что с этим мужчиной она познакомилась только что. «Обойдем этот вопрос молчанием. После выдам за старого приятеля!»

- Еще бы. - Илья распахнул дверцу и, уже выходя из машины, добавил: - Если уж тебе неведомо кто окна бьет.

Они вошли в темный подъезд, и Маша мгновенно забыла все, что успела придумать для брата в свое оправдание. Во-первых, она тут же увидела Андрея - тот стоял на пороге квартиры, его силуэт четко вырисовывался на фоне освещенной прихожей. Соседская дверь тоже была распахнута, и там ее ожидала картина куда более динамичная. Василий, не то пьяный, не то страшно возбужденный, порывался пересечь площадку и тянул руки к Андрею с явным намерением начать драку. Мужа еле сдерживала плачущая Анжела в разорванном халате, падающем с одного плеча, так что все желающие могли убедиться, что нижнего белья под ним нет. На заднем плане, в глубине коридора, визжали дети и оглушительно гремело телевизионное ток-шоу.

- Вась, не надо! Умоляю, не надо! - Она ловила мужа за руки, которые тот немедленно вырывал, грозясь Андрею, стоявшему совершенно неподвижно. - Это не он, говорю тебе! Не он!

- Кто моя жена, ты сказал? - ревел мужчина, легко стряхивая с себя Анжелу, несмотря на то, что она была на голову его выше. - Повтори, ты!

Маша в ужасе разглядывала всех троих, не в силах осознать происходящее. Ей казалось, что она видит дурной сон. Василий и Андрей не только никогда не ссорились прежде, они едва замечали друг друга и очень редко встречались, особенно в последнее время. Андрей молча презирал Анжелу и как будто брезговал ею, но своей неприязни открыто ей не выражал. У Маши мелькнула мысль, что кто-то из соседей слышал отголоски ее утренней ссоры с братом, в частности, оскорбления, которыми тот поливал Анжелу. Она поспешила вмешаться и одним махом взлетела по ступенькам на площадку:

– В чем дело? Андрей, иди в квартиру, закрой дверь. Что случилось, Анжел?

Девушка обращалась к подруге, справедливо полагая, что та одна способна держать себя в руках. Андрей даже не пошевелился, и эта его неподвижность испугала Машу еще больше. Она хорошо знала своего брата и отлично помнила, что если он замирал подобным образом, то это всегда значило – Андрей в ярости.

В очередной раз порывисто всхлипнув, подруга обернулась на голос, ослабив хватку. Этого оказалось достаточно – муж оттолкнул ее, одним прыжком пересек площадку и схватил Андрея за грудки. Их разнял вмешавшийся Илья:

– Так, ребята, спокойней! Не пугайте дам!

Он говорил почти шутливым тоном, но голос звучал твердо. Вглядевшись в его лицо, Василий возмущенно выкрикнул, сорвавшись на визг:

– А ты кто такой?! Ну-к, лапы убери!

– Маш, уточни, который твой брат? – через голову соседа обратился к девушке Илья.

Та молча указала на Андрея.

– Значит, не обижайся! – по-прежнему шутливо заметил Илья и резко заломил Василию руки за спину, скрутив его почти пополам.

Взвыв от боли, тот закачался и едва не упал на колени. Обомлевшая Анжела следила за ними, не вмешиваясь, прикрыв сомкнутыми ладонями нижнюю часть

лица. Видны были только ее огромные от ужаса глаза. Маша внимательней взглянула на подругу и вскрикнула – руки Анжелы были вымазаны свежей кровью и покрыты ссадинами.

– Вот негодяй! – срывающимся голосом крикнула она. – Илья, врежь этому гаду хорошенько! Смотри, что он с ней сделал, урод! Анжелка, ты же ранена!

– Это не он! – Очнувшись от оцепенения, вызванного неожиданностью, Анжела бросилась к Илье, еще круче заломившему в этот момент руки своей жертвы. – Пустите, кто вас просит вмешиваться!.. Видишь?! – Это она кричала уже отвоеванному супругу, растиравшему локти и с ненавистью косившемуся на Илью. – Видишь теперь, на кого хочешь можно подумать! Ты – на Андрюху, а Машка вон – на тебя! А я вам говорю – я его не знаю!

– А тут весело, – проговорил Илья, доставая сигареты. – Вы бы хоть руки обработали, схлопочете заражение крови!

– В самом деле, идем ко мне! – Ухватив упирающуюся подругу за локоть, Маша почти силой затащила ее в свою квартиру.

Андрей, стоявший на пороге, едва посторонился, чтобы их пропустить. Все это время он вел себя так, словно не имел никакого отношения к разыгравшемуся скандалу.

Девушки заперлись в ванной, и только там, включив свет над умывальником, Маша увидела, как жестоко изуродованы руки ее старой приятельницы. На них вплоть до самых локтей проступали багровые пятна, будто следы чьих-то пальцев, тут и там виднелись ссадины. Больше всего пострадало запястье правой руки. Царапины оказались такими глубокими, что Маша никак не могла остановить кровь. Она извела уже целую пачку ваты и весь запас перекиси и зеленки. Анжела морщилась, судорожно глотала слезы и только изредка страдальчески шипела, когда боль становилась слишком сильной. Наконец Маша забинтовала ей руки всеми стерильными бинтами, которые отыскались в аптечке, и перевела дух:

– Так, первая помощь... Но, я думаю, тебе стоит поехать в больницу.

– Заживет само, – буркнула та, отчего-то отворачиваясь.

Вообще Маша заметила, что обычно разговорчивая подруга на этот раз не спешила поделиться подробностями своей семейной ссоры. Она как будто чего-то стеснялась или боялась. Девушка нахмурилась:

- Ты мне-то можешь сказать, кто это? Васька? Ведь он?

- Да нет, нет... - неохотно протянула та. - Не поверишь, не знаю кто.

- И не поверю! - отрезала Маша. - Скажи еще, что не сразу заметила, как тебя на лоскуты порвали!

Анжела помедлила и, внезапно повернувшись к подруге, выпалила:

- Ты меня убьешь!

- Да уж кто-то попытался...

Открыв дверь ванной комнаты, Маша вышла и направилась в кухню. Она сразу увидела, что окно не заделано. Приготовленное стекло, завернутое в коричневую бумагу, стояло прислоненным к стене. Девушка включила чайник и, порывшись в холодильнике, достала начатую бутылку водки, из которой уже угощала гостью. Налив полстакана, она повернулась и вручила угощение подоспевшей Анжеле:

- Нехорошо пить каждый день, но уж ладно... Что-то тебе не везет. Вчера обварили, сегодня... Анжел, что это было?

- Просто не знаю, как тебе сказать... - протянула та, пряча взгляд куда-то в угол. На водку гостя даже не взглянула. - Сама бы себя убила... Но кто мог знать... Браслет, Маша.

- Что?!

- С меня кто-то сорвал браслет, - плачущим голосом призналась Анжела. - Я пошла к тебе - отдать, тут оказался Андрей, мы с ним поругались из-за свадьбы. Я решила не отдавать ему браслет, вернуться к детям, дождаться тебя... Ты же

знаешь, по площадке три шага сделать, живем дверь в дверь... И никогда ничего подобного не было!

Когда Анжела шла к соседу, свет на площадке исправно горел, но вот когда собралась вернуться, там было уже темно. То ли лампочка перегорела, то ли ее выкрутили – так или иначе, молодая женщина едва успела закрыть за собой дверь квартиры, где ее так неприветливо встретили, как тут же ощутила резкий и болезненный толчок в плечо. Ее схватили за обе руки, и с ее правого запястья принялись рывками стягивать неплотно сидевший браслет. Страшно испугавшись, Анжела все-таки попыталась сопротивляться – этим и объяснялись ее многочисленные ссадины и синяки. Борьба окончилась ее поражением – нападавший стащил-таки браслет, даже не расстегнув его, изрядно ободрав ей кожу. В запале она не ощутила боли, а шок был так силен, что Анжела не сообразила позвать на помощь. Сорвав браслет, мужчина тут же выбежал из подъезда. Только тогда она добралась до своей квартиры, позвонила мужу и узнала, что он будет через несколько минут. Несмотря на воскресный день, Василий работал, как всегда, не брезгуя никакой халтуркой. Женщина не решилась ему ничего рассказать по телефону, боясь, что он ее попросту не поймет, а не поняв, как обычно, разозлится. Она сама с трудом верила случившемуся.

– Я снова побежала к твоему брату, позвонила в дверь, попыталась все объяснить, послать его вдогонку за тем типом... Еще можно было успеть, прошла какая-то минута! А он, он...

– Успокойся! – Осознав наконец смысл происходящего, Маша, как ни удивительно, не слишком взволновалась. – Перестань реветь!

– Тебя бы так! – выпалила Анжела и тут же прижала к губам перебинтованный кулак, глядя на Машу полными слез и отчаяния глазами: – Прости, сама не знаю, что плету! Андрей был в ярости, сразу стал орать, что ничего другого и не ждал, что я просто пропила браслет с дружками, а теперь разыгрываю дешевую инсценировку!

– Зойкино воспитание! – в сердцах выговорила Маша. – Раньше он таким не был! Да разве ты пришла бы тогда возвращать браслет?! Неужели он не видел его?!

– Говорит, не обратил внимания!

– И не слышал, как вы под дверью дрались?!

– Да я не кричала! Вот дура, ну, не дура?! – Анжела выхватила у хозяйки стакан с нагретой водкой и в два приема, судорожно морщась, опустошила его. – Как теперь докажешь, что не сама себя ободрала?!

– Сама себя, вот так, из-за какой-то побрякушки? – усмехнулась Маша, снимая с подставки вскипевший чайник и насыпая в две кружки растворимый кофе. Секунду подумав, она поставила еще одну кружку. «Илья застрял там с мужиками, но сейчас придет... Там тихо, будто никого нет. Как он скрутил Ваську! А тот сильный, жилистый, не какой-нибудь трясущийся алкаш, бывший десантник!» Протянув кружку подруге, она примирительно заметила: – Кто этому поверит? Твой муж, если бы захотел, дарил бы тебе такие штучки каждый месяц. Незачем себя уродовать! Ты на такие руки ничего, кроме бинтов, еще долго не примеришь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/malysheva_anna/korallovyuy-braslet

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)